

Александр
Махнёв

**ЖИЗНЬ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

Жизнь и судьба (Горизонт)

Александр Махнёв

Жизнь продолжается (сборник)

«Горизонт»

2014–2015

Махнёв А. В.

Жизнь продолжается (сборник) / А. В. Махнёв — «Горизонт», 2014–2015 — (Жизнь и судьба (Горизонт))

О недалеком прошлом писать рассказы, повести, а тем более, романы не принято. Считается, что ещё не отстоялись впечатления, не улеглись страсти, не полностью и не всеми даны оценки историческим событиям. Исключением, пожалуй, являются литературные произведения, вышедшие сразу после великих войн и потрясений. Книга Александра Махнёва «Житейские истории» не о таких временах. Это одна из попыток запечатлеть дух, смысл и, если хотите, содержание того периода, который несправедливо называли «застоем», с плавным переходом к историям начала девяностых, которым никакого определения кроме «лихие», так и не придумали. Возможно, когда-то выйдет сборник слов и выражений, в котором мы найдём и такие: светлое будущее, социальная справедливость, общественное мнение, работа на благо общества, персональное дело, партком и партийная комиссия. А рядом: номенклатура, дефицит, блат, спекуляция, талоны и купоны, распределение, очередь и многое из того, что кажется, навсегда ушло из нашего бытия. Автор не пытается доказать и показать, что лучше или напротив хуже, он через свою судьбу и судьбы людей из своего ближайшего окружения, показывает явления жизни, отображает её со своей позиции много пережившего и оценившего человека. Читателю будет несложно познакомиться с простыми героями рассказов: отставным военным и бухгалтером, молодым офицером и начинающим предпринимателем, душой больничного общества и старушкой у подъезда. Они все из нашей жизни, жизни большинства таких же простых людей. Александр Махнёв утверждает, что пишет «для себя» и своих близких. Но это не совсем так. Его рассказы это как фотографии из семейного альбома. Помните, в те времена, о которых в основном пишет автор, было принято пришедших гостей усаживать на диван и, пока накрывался стол, развлекать показом толстых альбомов в плюшевых обложках. При этом обязательно добавлялись комментарии и сравнения, а иногда и коротенькие воспоминания. И когда гость садился за стол он уже понимал, какие люди и с какой судьбой собрались рядом. Это сближало. Наверняка, когда читатель

познакомится с рассказами, напечатанными в этой книге, он вспомнит, что нечто подобное было и в его семье, и с ним случались похожие истории, да только ему недосуг переложить их на бумагу, оставить для будущих поколений. Александр смог это сделать и поведал нам то, что рвалось из его души. Остаётся лишь пожелать автору творческих успехов и расширения круга читателей, небезразличных к нашей совсем недавней истории.

© Махнёв А. В., 2014–2015

© Горизонт, 2014–2015

Содержание

Предисловие	7
Житейские истории	8
Дядя миша	8
Последний день земной	14
Две истории	24
Да пошли вы все...	30
Вучыцца трэба[5]	36
День рождения	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Махнёв

Жизнь продолжается

«Жизнь продолжается» – это не только название сборника Александра Махнёва, – это девиз, жизненное кредо героев его рассказов.

Действующий военный или отставник, бизнесмен или бухгалтер советских времён, научный работник или колхозный тракторист – все эти люди живут своей жизнью, своими интересами и заботами, но их объединяют, и это видно в каждом рассказе, оптимизм и вера в будущее.

Повествования написаны живым, хорошим языком, иногда с лёгкой иронией, читаются легко, захватывают читателя интересной сюжетной линией.

Предисловие

О недалёком прошлом писать рассказы, повести, а тем более романы не принято. Считается, что ещё не отстоялись впечатления, не улеглись страсти, не полностью и не всеми даны оценки историческим событиям. Исключением, пожалуй, являются литературные произведения, выходившие сразу после великих войн и потрясений. Книга Александра Махнёва не о таких временах. Это одна из попыток запечатлеть дух, смысл и, если хотите, содержание того периода, который несправедливо называли «застоем», с плавным переходом к историям начала девяностых, которым никакого определения кроме «лихие», так и не придумали. Возможно, когда-нибудь выйдет сборник слов и выражений, в котором мы найдём и такие: светлое будущее, социальная справедливость, общественное мнение, работа на благо общества, персональное дело, партком и партийная комиссия. А рядом: номенклатура, дефицит, блат, спекуляция, талоны и купоны, распределение, очереди и многое из того, что, кажется, навсегда ушло из нашего бытия. Автор не пытается доказать и показать, что лучше или, напротив, хуже, он через свою судьбу и судьбы людей из своего ближайшего окружения показывает явления жизни, отображает её со своей позиции много пережившего и оценившего человека.

Читателю будет несложно познакомиться с простыми героями рассказов: отставным военным и бухгалтером, молодым офицером и начинающим предпринимателем, душой больницы и старушкой у подъезда. Они все из нашей жизни, жизни большинства таких же простых людей.

Александр Махнёв утверждает, что пишет «для себя» и своих близких. Но это не совсем так. Его рассказы – это как фотографии из семейного альбома. Помните, в те времена, о которых в основном пишет автор, было принято пришедших гостей усаживать на диван и, пока накрывался стол, развлекать показом толстых альбомов в плюшевых обложках. При этом обязательно добавлялись комментарии и сравнения, а иногда и коротенькие воспоминания. И когда гость садился за стол, он уже понимал, какие люди и с какой судьбой собрались рядом. Это сближало.

Наверняка, когда читатель познакомится с рассказами, напечатанными в этой книге, он вспомнит, что нечто подобное было и в его семье, и с ним случались похожие истории, да только ему недосуг переложить их на бумагу, оставить для будущих поколений. Александр смог это сделать и поведал нам то, что рвалось из его души. Остаётся лишь пожелать автору творческих успехов и расширения круга читателей, небезразличных к нашей совсем недавней истории.

Член Союза писателей России Сергей Сполох

Житейские истории

Дядя миша

Довелось мне в тысяча девятьсот восемьдесят втором году довольно продолжительное время лечиться в Калининградском окружном военном госпитале. После аварии, получив сложный перелом правого бедра, я был прооперирован в Черняховске, и затем переведен в Калининград. Доктор утешить меня не мог. Его приговор был таков: не менее двух месяцев госпитального стационара.

Такая перспектива, естественно, не радовала. Только втянулся в службу, многое начало получаться, а самое главное – появился какой-то азарт. Я рвался в полк, много было задумок, хотелось сделать больше полезного и интересного. Ан нет. Два месяца лечения.

Жена в положении. На руках старшая дочь, естественно, ей внимание необходимо. Получается, я и семью подвёл.

Ну да ладно, что произошло, то произошло.

В палате нас, послеоперационных больных, было шесть человек. Возраст был самый разный. Старшим по званию был я.

Лежал с аппаратом Елизарова на правой ноге прапорщик Володя. Его угораздило после удачной охоты попытаться проехать на мотоцикле с коляской между двух берёз.

– Как я не увидел, что там не одна берёза была? – сокрушался он, лёжа на больничной койке. – Не понял, да сдуру коляской в дерево въехал. Дальше уж ничего не помню.

Сестричка тётя Паша на его сетование говорила: «Нечего было пьянствовать на охоте. После тебя доктора два дня операционную проветривали, такой смрад от сивухи стоял».

Володя, в общем, был спокойным парнем, но происшедшее его сильно тяготило. Могли из-за пьянки на этой несчастной охоте уволить из армии.

Лежал старлей¹. Он на учениях сломал руку и был направлен сюда, в окружной госпиталь. Перелом был сложный, несколько раз оперировали руку, кости всё не срастались. Так этот парень после своих страданий и мучений чуть ли не под кровать прятался, когда в палату заходил лечащий врач.

Лежали пара бойцов из частей Калининградского гарнизона, с болячками, уж и не помню какими.

---

¹ Старлей – старший лейтенант.

Самой колоритной фигурой нашего временного товарищества, безусловно, был отставной мичман дядя Миша. Как он себя величал, «мариман Миша».

Я не могу себе представить, как бы я выдержал пытку неподвижностью на больничной кровати, если бы не наш мариман.

Дяде Мише шёл семьдесят второй год. Родом был он из-под Смоленска, оттуда же призвался на фронт в сорок первом. В годы оккупации вся семья его погибла, в том числе и жена с сыном. Один-единёшенек остался на белом свете.

Весной сорок пятого года его часть участвовала в штурме Кёнигсберга. Дядя Миша получил серьёзное ранение ноги и был списан вчистую. Ехать мичману было некуда, и решил он остаться жить в этом городе.

Вот как он об этом рассказывал:

«Стою на площади, котомка за спиной, все четыре стороны света передо мной, а идти некуда. Смотрю, дом стоит, ещё не разбит и вроде не разграблен. В тот период жителей много ушло из города, боялись новых властей: почитай, большинство горожан с фашистами были связаны, вот и драпали.

Захожу. Дом справный такой, аккуратный, большой, думаю, много детишек здесь должно жить. Жить и радоваться жизни.

Вот и остался.

На двери написал: «Здесь живёт фронтовик мичман...» и фамилию указал. Не лезьте, мол, я здесь хозяин. Уже после войны хотели потеснить, было такое. Как бы не так, не дал. С руганью и скандалом, но не дал.

Привёл молодку, свадьбу сгуляли. Через год пацан родился, через два ещё один. Жинку, правда, не сберёг, от простуды расхворалась и померла. Сыро здесь и ветрено. Не по ней оказался климат здешний.

Через год приютил бабёнку. Из Белоруссии родом. У неё две девчонки, да моих двое. Вот и семья. Да ещё собака, коты, курей завели. Скучно жили, но дружно. Работал в порту. Как инвалида на склады охранником поставили. Ничего, от голоду не умерли. Жили с огорода. Даже цветы продавали.

Затосковала моя старуха по родине, по Белоруссии своей, и, лет как десять назад, уехала. Сестра у неё в Речице. А девки её со мною остались. Дом справный, жить есть где. Уже и сами замужние. От них трое внуков у меня. Все со мной живут.

Мои парни тоже со мной, всё у них ладится. Непьющие, в мать пошли, видать. Тоже внучат настрогали. Полон дом. Так и живём всем большим миром.

Но я-то ещё мужчина хоть куда. Решил в четвёртый раз жениться. Есть одна на примете, молоденькая, лет не больше пятидесяти. Правда, деток двое, да внучата, тоже двое. Но это не беда, дом большой, всех приму.

Вот так-то».

Историей своей жизни дядя Миша делился почти ежедневно. Суть рассказа я изложил, интерпретация всегда была разная.

Весь госпиталь его знал, и ходили на него смотреть, как на настоящее чудо.

Кто удивлялся, как это в семьдесят один год, война за плечами, куча детей и внуков, а в женихи. Ну, шальной дед!

– Где он там, дай погляжу. Дед, а дед, так Расскажи...

А кто-то, узнав причину его лечения в госпитале, говорил: «Во даёт ветеран. Это надо же, бабу ему обнимать неудобно».

– Кто? Этот, что ли? Пойду пообщаюсь...

И дядя Миша никому не отказывал, в красках, даже с долей юмора рассказывал о своей жизни. А мы, улыбаясь, вновь и вновь слушали его рассказы:

«Так у меня контрактура, видал, как пальцы скручены. Вилку держать да ложку – не проблема, а вот деваху пощупать не получается толком.

Она сразу: «Клешни свои убери! Больно, ой, больно!».

Так я только за плечо взял, а не за попу.

Пришлось к доктору идти, вот, правую уже отремонтировали, через недельку и вторую подлечат».

Супергероем дядя Миша становился по вечерам.

Так вот.

Наш дед был большой мастак выпить.

В разных местах – в тумбочке, под матрацем, или ещё где – у него хранились чекушки. (Кто не знает, а может, подзабыл – это маленькая бутылочка водки, ёмкостью двести пятьдесят граммов). Очекушивался он ровно сразу после прихода к нему в гости сыновей или внуков. А посещали его родственники ежедневно. Посидят пяток минут, передадут вроде как бы незаметно бутылочку, яблочки, и домой.

Дядя Миша провожает гостя и напутствует:

– Ты уж на этой неделе не приходи больше. Вижу, замаялся, отдыхай побольше, отдыхай. Завтра скажи, пусть Васятка прибежит. Давно не видел его, соскучился. Ну, всё, до свидания.

Обнимет, расцелует, проводит к двери – и назад, к койке. Пошёлестит чем-то, покопается в тумбочке, и якобы в туалет помчался (это его термин).

Приходит.

Вид у него такой серьёзный, одухотворённый, сосредоточенный, глазки блестят. Правда нос цвет меняет, сизоватым становится. Но это дядя Миша очень просто объяснял:

– Волнуюсь, вот и краснею.

Ну-ну! Волнуюсь! А от самого чесночищем разит на версту.

На это тоже отмазка готова:

– Мы на фронте только чесноком и спасались от хвори. Видал, какой я крепкий.

Что да, то да, крепок дед. Стар дядя Миша, потребляет много и регулярно, но действительно силён. Вон и невесту уже нашёл, может, ещё и детишек заведет?

Так вот, к вопросу об одухотворённости.

Весь госпиталь знал, что именно вечером – а это время, когда наш дедок был под лёгким кайфом – с ним происходили чудеса. Билетов на просмотр этих чудес практически не продавали, но мест свободных не было.

– Ну, что, братья по несчастью... Рассказать вам об Андрюше? Ох, и люблю его, чертяку. Ох, и люблю. Да и как же не любить...

И дядя Миша начинает рассказ об Андрее Белом. Это его он так фамильярно Андрюшей называл, вроде как дружком его был этот самый Белый. Окружающие не всегда и фамилию такую знали. А расскажет дед о поэте – вроде как и знаешь его, вроде как здесь был, вчера только выписался. Так здорово дядя Миша рассказывает.

Закроет глаза и вкрадчивым таким голосом читает:

«Был тихий час. У ног шумел прибой.
Ты улынулась, молвив на прощанье:
„Мы встретимся... До нового свиданья...“
То был обман. И знали мы с тобой,

Что навсегда в тот вечер мы прощались.
Пунцовым пламенем зарделись небеса.
На корабле надулись паруса.
Над морем крики чаек раздавались...»

– Вы понимаете, как Андрюша о любви говорит? Это какое умище надо иметь, чтобы так вот просто о любви говорить. Или вот ещё...

И дядя Миша продолжал свой тихий задушевный рассказ о поэте.

Его слушать можно было часами. И интересно и совершенно понятно.

Всё повторяется на следующий день.

Завтрак, процедуры, обход врачей, шутливые разговоры, сон, обед, опять сон. Гости опять к дяде Мише.

И вновь бенефис маримана Миши.

– Ну, что, неучи, может, вам о Маяковском рассказать, о Володе?

– Да нет, ты нам о любви, как вчера, про Андрюшу. Давай про Белого, дядя Миша.

– Да! Испорчен у вас вкус, ребята. Ничегошеньки вы о Маяковском не знаете. Только про паспорт и облако в штанах и слышали. А вы вот послушайте:

«Город зимнее снял.
Снега распустили слюнки.
Опять пришла весна,
Глупа и болтлива, как юнкер...»

– Вы послушайте: «зимнее снял», как красиво сказано, а весна «болтлива», да «глупа»! Это же Володя про капель, про жизнь весны говорит, про её дыхание. Как красиво, как душевно. Кто ещё так мог рассказать? А вы всё про штаны, субботники, лозунги по КИМу² и так далее. Неучи, одним словом.

Дядя Миша теперь уже полностью владел больничной аудиторией, и с упоением, потирая вновь посиневший нос, продолжал рассказ. Теперь уже о Маяковском. И никто не хотел ни Белого, ни чёрного, ни какого ещё. Все с открытыми ртами слушали рассказ деда о Володе Маяковском.

На следующий день уже рассказ о Есенине. Аудитория не просит уже о Белом или о Маяковском рассказать. Народ ждёт, что скажет дядя Миша.

А он запел:

«Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдёт, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охвачен,
Я не буду больше молодым...»

А голосок хоть и слаб, но чистый, приятный. В палате мёртвая тишина.

– И что вы думаете, Серёжа всегда болел такой лирикой? Да нет, хулиган великий был. Да, хулиган, но каков слог. Вы только послушайте:

«Сыпь, гармоника. Скука... Скука...
Гармонист пальцы льёт волной.
Пей со мной, паршивая сука,
Пей со мной.
Излюбили тебя, измызгали —
Невтерпёж.
Что ж ты смотришь так синими брызгами?»

---

² КИМ – Коммунистический Интернационал молодёжи.

Иль в морду хоть?..»

Он радостно смеётся, будто это ему кто-то грозит дать в физиономию. Глаза прямо так и горят!

– Но мне, однако, по душе его лирические стихи, вот, к примеру, послушайте, как здорово звучит:

«Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветёт,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поёт.
Стелется синею рясой
С поля ночной холодок...
Глупое, милое счастье,
Свежая розовость щёк!..»

После такого вступления присутствующих волновало о Есенине буквально всё: где жил, кого любил, как жил, как умер и так далее. Старик всё рассказывал и рассказывал, остановить его теперь ничто не могло. Разве что усталость.

Ближе к ночи народ уgomонился, все разошлись. Кто покурить пошёл, кто в туалет. Лежащие больные, и я в том числе, также привели себя в порядок, благо уточки всегда у койки, и сестрички спинку тебе на ночь камфарой протрут. Всё в порядке. Чувствуешь себя посвежевшим. А после дяди Мишиного концерта ещё и морально отдохнувшим.

Кровать дяди Миши стояла рядом с моей. Смотрю, ворочается старик, не спит.

– Что, дядя Миша, не спится?

– Да что-то не по себе, устал, наверное, наговорился сегодня от души, по самое не хочу. Устал.

– Дядя Миша, как же ты в голове такую энциклопедию держишь? Всё, что ты говоришь, знать надо. Я со своими двумя высшими образованиями не владею такими знаниями. Как это у тебя получается?

– Чудак человек, сравнил, тоже мне. Тебе вон чуть за тридцать, а ты уже большой человек, скоро подполковником будешь, а там и генералом, поди. У тебя свои дела. А я, что я, времени свободного много, книг в пароходстве завались. На службе пить нельзя, вот и балуюсь чтением. Читаю много, а потом своим дамам, внучатам рассказываю. Девки, знаешь, от стиха просто млеют, им не мои руки и ещё там что-то от меня нужно. Они стихи любят. А внуки, те уже на третьей строчке засыпают. А мне то и нужно. Вот так-то. Вот и весь секрет. Другой вопрос, что память не подводит, это да. Не жалуюсь пока.

Я подумал: «Глянешь на него – ну алкаш алкашом, в чём душа держится, просто удивительно.

А глаза закроешь, слушая, как он читает стихи, и не верится, что ему за семьдесят. Нет, так рассказывать о поэтах прошлого, их стихах и их стихи может только человек, очень сильно любящий поэзию, и, наверное, жизнь...».

Я понял простую истину. Он жив поэзией. Этот простой дед, мариман Миша, помешан на поэзии, на судьбах поэтов, их жизни. Именно так рассказывать о поэте может только влюблённый человек. Вот и всё объяснение.

Почти полтора месяца провёл я в больничной палате госпиталя. Приезжали родные, сослуживцы, друзья, отец приехал, жена еженедельно навещала. Всё это, естественно, настраивало на позитивный лад, поднимало настроение. Однако радовала и близость вечера, встреча с поэзией в интерпретации дяди Миши.

Казалось, так будет бесконечно.

Пришла пора операции на второй руке нашего рассказчика. С улыбкой на лице, с добрым настроением уходил тот на операцию.

– Вот, братцы, если всё подчистят нормально, завтра же уйду домой, соскучился до смерти. Ну, я пошёл, не поминайте лихом.

Операция пустячная, под местным наркозом, час работы – и жених готов под венец. Это мы так думали в те часы.

Проходит час, другой, нет дяди Миши. В коридоре какая-то суeta, беготня.

Послал я самого молодого в разведку. Что там случилось? А волнение какое-то зрело в душе.

Прибегает наш посланник, белый как стена.

– Что? Что случилось, рассказывай?

Заплакал наш боец.

– Умер наш дядя Миша! Умер! Сердце остановилось.

Все в шоке.

Не может такого быть, мы же вот только что его провожали, с улыбкой уходил, радовался, что домой скоро. Не может быть.

Уже ближе к ночи наш доктор рассказал:

– Инфаркт у дяди Миши, сердце изношено до предела. И не в операции на руке дело, просто сердечко остановилось.

Опять просто. Как всё просто получается. Взял человек и умер.

Да. Не молод.

Большую жизнь прожил, надорвал сердечко.

Может, так и было.

Но мы не верили.

А как же мы? Как мы без него, без его рассказов, без его усмешки, улыбки, весёлых глаз?

Эгоист человек. Только о себе, да о себе. Вот и дядю Мишу мы не простили: «Куда ты, дружище? А мы как же?»

А дядя Миша откуда-то, уже сверху, своим тихим мягким голосом:

– Всё нормально, мужики, не переживайте. Так надо. Все там будем.

Последний день земной Рассказ об отце

*Мы все умрём, людей бессмертных нет,
И это всё известно и не ново,
Но мы живём, чтобы оставить следу
Дом иль тропинку, дерево иль слово...*
Махнёв В. А. 1993 г.

Этого статного, высокого старика знали в доме все.

Появился здесь он сравнительно недавно, лет, может, пять-шесть назад. Говорят, переехал поближе к дочери после смерти жены.

Каждый день, примерно в одно и то же время, он выходил на прогулку. Медленно, с достоинством раскланивался с местными кумушками, оккупировавшими скамейки, и такими же, как и он, стариками, мирно беседовавшими на солнышке, или просто бездумно сидящими на лавочках в ожидании невесты чего.

Маршрут также был одинаков. В горочку вдоль домов, мимо овощных палаток, кулинарии, почты, к гастроному. Здесь он, как правило, кое-чем из продуктов отоваривался и по этому же маршруту двигался в сторону дома.

Выходил он из дому и вечером, часиков в пять. Это уже была просто прогулка. Но она, как правило, зависела от погоды. В дождь и слякоть гулять не было смысла.

Местные относились к нему по-разному. Народ жил здесь всякий. В основном работяги, их жёны. Разведёнки, вдовы. Дом в своё время, лет эдак тридцать назад, сдавался для заводчан. Вот и жил здесь люд попроще.

Кто-то по пьяни мог фыркнуть вслед, кто-то мог нагрубить, опять же не от большого ума. Но то, что его здесь уважали, не вызывало никакого сомнения. Народ как-то подтягивался, смирнее становился, что ли, при его приближении.

А он с мягкой полуулыбкой:

– Здравствуйте, доброго здоровьяца. Как настроение? Как дела? Приветствую Вас. Спасибо, и Вам того же.

Эти вроде бы дежурные фразы, сказанные им, воспринимались как добрые пожелания спокойствия, уверенности в себе, как доброе приглашение жить мирно, по-хорошему. И, прямо скажем, эти слова действительно поднимали настроение.

Сколько ему лет?

Если поглядеть издали на его медленную статную походку – лет шестьдесят пять, семьдесят, не более. Наверно, офицер в отставке, не иначе. Чуть поближе видно – потрепала жизнь человека. Вон и рука правая трясётся, и спину уж больно прямо держит.

Да, видать, потрепала жизнь.

Но красив в молодости был, это безусловно. И сейчас вдовушки-старушки именно такого дедка, спокойного, уверенного в себе хотели бы видеть рядом с собой.

Звали старика Владимир Алексеевич. Лет ему и вправду было немало, восемьдесят четыре уже стукнуло. И жизнь действительно его потрепала. Война, более тридцати лет службы по военным гарнизонам. Болячки, которые нажились как по команде после семидесяти. Смерть жены. И вот он здесь, в двухкомнатной квартире, одиноко доживает свои годы.

Был ли он несчастлив?

Да нет, ни в коем случае. Дай Бог каждому прожить такую насыщенную и интересную жизнь.

Но одиночество, некая моральная усталость уже сказывались.

Ничто не изменило его привычку и сегодня.

На дворе январь, двадцать девятое число. Снег, пасмурно, лёгкий ветерок. Чуть ниже нуля на градуснике. Обычная для этих мест погода.

Вот он вышел, постоял пару минут, опираясь на палочку. Посмотрел по сторонам, чуть прищурив глаза, как бы привыкая к уличному свету. Всё, можно двигать. На улице пустынно, народ на работе да по домам. Лавочка у дома тоже пуста, мёрзнут местные барышни, у окон сидят, небось, греются рядом с батареей.

Под ботинками хрустит снежок. Раз, два. Ещё шажок, ещё шаг. Машин тоже почти не видно. Тихо, сразу понимаешь – день будний.

Зашёл в магазин. Вот уж где не бывает пусто.

Глянем, что есть поесть? Ты смотри, так и стихами можно заговорить. Есть, что поесть. Булочку к обеду. Масло не забыть. Творожок. Ну, вроде всё.

К выходу.

Ботинки опять в ритм. Раз, два. Один, второй. Палка ритм сбивает. Но куда же без неё, родимой! Треугольник, как говорят, жёсткая фигура. Не дай Бог упасть. Не встану.

Остановился у забора детского садика. Любил он смотреть на детишек. Любил их непосредственность, весёлый, радостный смех. Любил смотреть, как мамы расхватывают малышей по вечерам, обнимая их, глядя на весёлые родные мордочки, обещают всякие сладкие блага, лишь бы поскорее помчаться домой, где уж, наверно, заждались домашние, и муж вот-вот придёт с работы усталый. Надо еду подогреть. А малыш заигрался с таким же, как и он сам. Надуется, заревёт. Не хочу домой! Дай доиграть!

А сейчас малышкой не видно. Холодно. В группах, наверно, в куклы играют, занимаются с воспитателями. Вон в окнах ярко горит свет. А во дворе только Петровна, дворничиха детсадовская, мерно скребёт снежок лопатой.

Вспомнил своих. Близняшки у них с Еленой Ивановной. Родились такие разные, Сашенька толстячок, плакса. Дочурка, Татьяна – молчунья, улыбается радостно, видя мамку, ластится к ней. Сынок с тёмными волосиками, дочка светленькая. Такие разные...

«Как-то в выходной Лена с мамой, Антониной Мартыновной, на пару часов по делам пошли к родне. Автобусов не было, а пешком в одну сторону километра три-четыре, не менее. Уж и инструктировала молодая жена, и рассказывала, что и когда детишкам дать поесть, как и когда положить спать. Ну, всё рассказала. Малышам было что-то около годика каждому.

Не прошло и десяти минут, концерт начался. Первым заплакал Санька. Ну а как же, он же больше на пару килограммов, ему больше и нужно. Попили водички. Танюшка захныкала. Здесь тоже водичкой обошлось. Ещё через десяток минут опять дуэт запел вразноголосицу. Качнул одного, притих, качнул другого, тоже тишина.

Блаженная тишина и порядок. Ещё десяток минут настороженности. Ты смотри, спать, наверно, хотели.

Хотелось курить. На цыпочках, крадучись пошёл к окну. Курил там изредка у форточки. Только потянулся за папиросами, опять слышу всхлипывание. Кто? Ну конечно Саня, тоже, наверно, курить захотел. Тьфу, тьфу, не дай Бог. А вот и Танюшка проснулась. Что там нам мама приготовила? Ну что ж, покормим. Кого же первым? Двоих сразу не получится.

Итак, четыре часа. Уже и сам голоден. Уши опухли, так курить хочется. Тогда ему показалось, что в тыл к немцам за пленным ходил. Устал очень.

Когда пришла Лена, радости не было границ. И детишки сразу притихли и заулыбались, и в доме сразу стало весело и радостно».

Ох, как давно это было! Как давно...

Что-то сердечко подавливать стало. Бог ты мой, и слёзы из глаз. Ну, совсем стар стал. Стою и плачу. Люди вон идут, а я реву.

Он достал платок, постарался незаметно утереть глаза.

Ладно.

Успокоились.

Домой.

Открыл дверь. Родной запах дома.

Сынок Сашка, когда приезжает, обувь сбрасывает и по комнатам. Всё посмотрит, всё перешукает и лишь потом снимает пальто, шарф.

Смеётся:

«Папа, мне бы вдохнуть пару раз родной домашний запах – и уезжать назад можно».

Да, действительно, запах дома, где бы мы ни жили, удивительно одинаков. Исчез только особый аромат маминых изысков. Хотя какие там изыски! Супчик куриный, драники, котлетки домашние, солянка, борщ, рассольник. Все вроде бы известные блюда, но как здорово их делала Елена Ивановна! А теперь вот только сознание держит тот домашний аромат, труд дорогих сердцу рук жены.

Открыл холодильник, выложил продукты. Присел на кухне.

Тишина.

Сердце по-прежнему поддавливает. Что-то разволновался сегодня не в меру.

Померяем давление.

Господи, опять зашкаливает. Двести десять на девяносто.

И руку уже не трясёт, а бьёт прямо-таки.

Владимир Алексеевич вот уже более двадцати лет болел неприятной, непонятной, да и, видимо, неизлечимой болезнью. Болезнь Паркинсона. Больше для этой болячки подошло бы название «дрожательный паралич». Ходуном ходит правая рука. Трясучка напрягает, человек начинает волноваться, переживать, пытается не показывать этот дефект людям. Отсюда масса побочных проблем.

Лечат ли эту болезнь? Да, лекарства есть, их выписывают и даже бесплатно дают, но эти пилюли дают лишь сиюминутный эффект, больной к ним привыкает. Это уже как наркотик. Дозы увеличиваются, частота потребления возрастает. В аптеках что-либо новое появляется редко, один раз в лет эдак пять-шесть.

Вот уже не первый год, чувствуя невозможность сдержать трясучку, он стал понимать, что и ноги не хотят идти из-за этой же гадостной болезни, и спина плохо гнётся от неё же. В общем, всё стало сыпаться с большей и большей скоростью.

Искал он светил, академиков, специалистов по этому профилю. Кучу литературы прочитал. Сам стал крупным знатоком истоков и причин возникновения болезни Паркинсона. Однако знание сил не прибавляло. Оно порождало только ясное понимание бессилия и беспомощности человека в борьбе с этим недугом.

Смирись, жди участи.

Молчи.

Стисни зубы.

Держись.

Сколько мог, он держался. Но, видимо, его время уже подходит.

Вот и сердечко реагирует на болезнь. Поддавливает, иногда даже перед глазами темно становится.

Научился бороться и с этим. Присядет в кресло, сосредоточится на какой либо мысли, вроде бы проходит. Хотя бы на какое-то время.

Вот и сейчас принял лекарство, присел в кресло, на своё десятилетиями нагретое место. Прикрыл глаза. Темнота успокаивала. Виски отпусало.

Ну что, вспомним молодость.

«Лена. Впервые я увидел её летом сорок седьмого года. Сколько же лет прошло? Боже мой, больше шестидесяти лет назад. Вечность.

Я возвращался из отпуска. Ехал в плацкартном вагоне поезда из Литвы в Белоруссию. Заметил в соседнем купе миловидную девушку. Особенно поразили её глаза и улыбка.

Девушка выглянула в окно, и мы встретились взглядами. Несколько раз потом ещё я искал её взгляд и находил. Мы как бы молча, только взглядами, договорились встретиться.

И такая встреча произошла. Осенью, в выходной, прогуливаясь с друзьями по площади города, я вновь встретил те же улыбочивые глаза, тот же памятный взгляд. Мы улыбнулись друг другу, как старые знакомые. Дальше пошли в ход старые, как мир, способы обольщения.

Надо же, получилось!

И вот мы вместе.

Дальше – встречи, прогулки по парку, танцы в городском Доме офицеров.

Весной сорок восьмого года мы поженились.

Почти полста лет вместе.

В девяносто пятом ушла Леночка моя, и я только тогда особенно чётко понял, что такое она для меня. Моя жизнь, моя служба, мои дети, моё здоровье, в конце концов – это всё она. Я был полностью ограждён от семейного быта, от разного рода домашних проблем. В семье я получал только радость и позитивные эмоции.

У Татьянки прорезались зубки.

Какая радость, растёт малышка!

Сашка сам сделал первые шаги.

Ура!!!

Однако я не видел, как по ночам она к деткам вставала, не видел, как она за ними следила: как бы не упал куда или не схватил что-либо в рот. Я видел результат. Дети ухожены, довольны, улыбаются. Всё хорошо дома. Нет, теоретически я, конечно, всё знал об этом, но я полностью был отстранён от домашних забот. Я мог спокойно заниматься служебными делами.

Так было всегда, и когда детишки были маленькими и когда подрастали. Дома всегда уют, чистота. На кухне приятные, такие родные запахи. Бельё чистое и выглаженное, на кителе и брюках ни пылинки. Когда она всё успевала?

У Лены не было среднего образования – будучи рождённой в западной Белоруссии, она плохо писала по-русски и очень стеснялась этого. Однако она стремилась к учёбе, меня заставляла устраивать ей диктанты и проверять их написание, даже просила ставить оценки. Я со смехом иногда относился к этому.

Она обижалась:

– А нужна тебе безграмотная жена?

Я только теперь понимаю – это было самоутверждение. Да, она спокойно могла бы жить со своими шестью классами церковно-приходской школы. Но ей необходимо было самой утвердиться в понимании того, что она не ущербна, она такая же, как и все. Она грамотна. Она красива. Она мать. Она жена, в конце концов.

Своего она добилась. Она стала грамотно писать. С удовольствием и много читала. Просила совета, что прочесть.

Её не тянуло, как многих жён офицеров, на лавочку у дома. Боже упаси лузгать семечки под летним солнышком. Она эту безделицу не просто осуждала, она её напрочь игнорировала. Пройдёт, бывало, мимо соседок, поздоровается мило и домой. Дома у хорошей жены всегда дела найдутся.

Уважали её соседки за отзывчивость. У неё всегда найдутся лишние полкило соли или сахара. Она всегда покажет, как лучше подшить или перешить юбку, подремонтировать детскую одежонку. И всё это не потому, что у нас в семье было много лишнего, в том числе и времени. Нет. Просто это было ей свойственно по природе. Такая она была, моя Леночка.

В шестьдесят шестом году наши детишки выросли и улетели из гнезда родного. И такая гнетущая, тяжёлая тишина настала в доме. Семнадцать лет они рядом росли, развивались,

радовали нас своими успехами. Мы вместе гуляли, мечтали вместе, жили одной дружной семьёй. Мы, как друзья, могли часами в выходные общаться дома и не уставали друг от друга. И вдруг детишки наши вышли на свою тропу жизни.

Понемногу тревога за детей ушла. Мы убедились, что дети наши вполне самостоятельны и способны сами принимать важные жизненные решения. И именно в эти годы, когда дети начали жить самостоятельной жизнью, мы с Леной потянулись друг к другу.

Нет, не тогда в далёком сорок восьмом мы полюбили друг друга, то было юношеское обаяние, первая любовь. Мы сейчас, спустя почти два десятка лет, по-настоящему полюбили друг друга. Мы увидели, как нас тянет друг к другу, как нам приятно быть вместе. Лена встречала меня на троллейбусной остановке, когда я возвращался с работы, и мы могли долго-долго идти домой, наслаждаясь покоем и внутренней радостью встречи. Мы смотрели одни и те же передачи по телевидению, горячо обсуждали их содержание, и, как бы ни спорили, приходили всегда к общему выводу о героях передач и фильмов, о самих передачах.

Особенно радостной была наша подготовка к приезду детей в отпуск. Когда они учились, каникулы по времени совпадали и у Саши и у Тани, и наш дом вновь становился шумным и радостным. Опять одноклассники, друзья. Музыка, рассказы, бесконечные: «А помнишь?».

Уехали дети, и опять мы вдвоём.

В середине восьмидесятых неожиданно нагрянула беда. Лена начала быстро худеть, практически ослепла на оба глаза. Диагноз неутешительный: диабет. В марте девяностого года обширный инфаркт. В апреле девяносто первого года – гангрена и ампутация правой ноги.

И даже будучи слабой, находясь на больничной койке, она думала обо мне и детях:

– Ну, как вы там? Что ты кушаешь? Звонят ли детки? Не переживай, мы ещё проживем! Это она мне, здоровому человеку. Это она меня успокаивает.

У меня сердце на части рвалось.

Культия долго не заживает. Врачи требуют подрезать ножку повыше.

– Ну нет. Сам вылечу!

Я ежедневно по несколько раз делаю компрессы из облепиховой смеси. Получил уже хорошие навыки сестры-сиделки.

И, о чудо! Ранка начала затягиваться. Лена как ребёнок радуется:

– Это ты своей заботой меня подлечил.

– Да, заботой, но и своей любовью. Живи, дорогая, ты мне нужна. Ты нам нужна.

И вот настал день, когда Лена встала на протез. Сколько слёз пролито. Её боль была моей болью. Но мы всё преодолели. Мы пошли. Помаленьку, помаленьку. Но пошли.

Однако болезнь не отступала. Лена всё больше и больше слабела. Тяжёлая болезнь сына в марте девяносто пятого года для неё стала, видимо, последним ударом. Лена увядала.

Перед глазами стоит тот страшный августовский день. Наверное, она чувствовала близкую кончину. Раньше обычного Лена ушла в спальную комнату. Проходя мимо – а я сидел в кресле у телевизора – она тронула меня за руку. Рука была холодной. Помню её последний, очень печальный взгляд.

Утром десятого, около шести часов, Елена Ивановна тихо отошла в мир иной.

Да. Такие воспоминания не лечат».

«Что-то я совсем расклеился сегодня. Нельзя так».

Давит сердечко по-прежнему.

Он поднялся с кресла, пошёл на кухню. Прикрыл немного открытую форточку. Приготовил чай. Творожок с булочкой. Аппетита совсем нет. Однако поесть надо. Обед уже скоро, а я ещё не завтракал.

Нехотя перекусил.

Вернулся в комнату.

На столе аккуратной стопочкой лежали фотоальбомы. Владимир Алексеевич разглядывал их вчера, пересматривал фотографии всегда с удовольствием. Это несложное занятие увлекало его и успокаивало немного.

«Вот сибирский альбом.

Родной дом у железнодорожного вокзала. Я с братьями и сестрой у дома. Молодые, красивые, весёлые. Наш огород, хиленький заборчик. Сынок Саша был в начале двухтысячных в Бердске. Искал дом родителей, так говорит, не нашёл даже, где приблизительно стоял домик, так всё изменилось.

А вот фотографии поездки с сыном летом шестьдесят третьего года. Мы ещё в Германии жили. Рыбалка. Пока мы костёрчик с братьями налаживали, ушницу готовились сварганить, сынок на лодке – это на одной из заводей на реке Бердь было – спиннинговал, пытался щучку поймать.

Первый раз паренёк спиннинг забрасывает, ну, метров на десять, пятнадцать, навыка-то нет. И нас всё пугает:

– Поймал, поймал! Ташу!

Мы посмеивались. А когда у него действительно на блесну щучка килограммовая села, мы не поверили, думали, шутит опять, а он кричит во всё горло:

– Держу, поймал!

Как он её в лодку затащил, неизвестно. Подплывает к берегу, ножки и ручки трясутся от напряжения, в глазах азарт, блеск:

– Я ещё поплыву, может, ещё поймаю щуку.

Вот отпускные фотографии. Июль семьдесят седьмого года. Снова рыбалка, теперь уже на Обском море. Лена, братья: Михаил с женой, Иван Алексеевич. На острове необитаемом. Вот я переодет под Робинзона. А вот и уха, настоящая сибирская уха. Запах, аж сейчас чую.

Я на свадьбе у племянника Алёши. Это тоже лето семьдесят седьмого года. Молодёжь вокруг. Ну, я ещё ничего. Не старый ещё. Красавец.

А вот фотографии сестры. Тысяча девятьсот тридцатый год. Ей двадцать лет, молоденькая, хорошенькая, пухленькая такая. И вот год две тысячи пятый. Ей девяносто пять стукнуло. Осунулась. Ослепла. Сынок мой с ней рядом. Его братья двоюродные рядом, Саша и Алёша. Хорошо, что они знают друг друга, далеко живут, правда, но знают, что есть братья и сёстры, а это уже очень здорово».

Опять слёзы душат. Что ж такое. Разнервничался вконец. Надо собраться. Нельзя себя распускать.

Всё, пауза, пауза!!!

Пе-ре-рыв.

Он достал успокоительные капельки, заодно и очередную порцию лекарств. Запил водой. Встал. Медленно побрёл в спальную комнату. Надо попытаться уснуть.

Лёг, закрыл глаза.

Вновь перед глазами памятное, важное, что-то очень важное.

«Военкомат на днях открытку прислал. Хорошо, что помнят, значит, не списали ещё. К юбилею Парада Победы готовятся. Это хорошо. Сколько нашего брата осталось, единицы. Уходит народ. Что ж, время, видимо, пришло. Меня приглашают, как участника этого события, на приём в честь Парада. Доживу ли?

Ну а что, есть стимул. Надо готовиться.

Шестьдесят лет прошло. Целая жизнь.

Да, целая жизнь, я ведь офицером стал в феврале сорок пятого года. Вот это, кстати, тоже юбилей, надо бы детишкам рассказать. Вспомнить только, когда это было. Точно, в феврале. В Томске это было. Училище наше, Днепропетровское артиллерийское, в эвакуации в Томске

находилось. Много нас, младших лейтенантов, тогда выпускалось. Молодые, весёлые, все на фронт рвались, боялись, что без нас добьют гадов.

Не получилось на фронт. Сразу по выпуску в Горьковскую область направили, в Гороховские лагеря. Причём весь выпуск. И уже там, в артиллерийском Центре, получили мы свои первые офицерские назначения. Я был направлен в 989-й Краснознамённый Печенгский гаубично-артиллерийский полк РГК³, командиром взвода управления батареи.

Десятилетия прошли, а помню всё: и номер полка, и ребят своих, однополчан. Сибиряка Балясникова Диму, москвича Туркова Володю, Степанца из Тулы. Мои первые коллеги, сослуживцы. Что интересно, в полку большая часть офицеров были москвичами. У некоторых отцы большими руководителями были. У Борьки Кутузова отец в иностранном отделе Наркомата Обороны служил, у Пегушева батя – начальник автомобильного управления Наркомата. Во какие знакомства были у меня. Где они сейчас, мои ребята? Наверное, поумирали уж.

Приняв взвод, я занимался подготовкой разведчиков и связистов для маршевой батареи. Уверен был, что успею ещё повоевать. И когда в ночь на девятое мая полк был поднят по тревоге, мы поняли, едем на фронт.

Наконец-то!

И только по пути к Москве нам объявили о капитуляции немцев. Радости не было границ. Все ликовали. Это не передать словами.

В тридцати километрах от Москвы, в местечке Щемилово, полк расположился лагерем. Здесь мы и узнали, что по приказу Верховного главнокомандующего наш полк будет участвовать в Параде Победы.

Началась долгая и кропотливая подготовка. В основном готовили машины и гаубицы, так как личный состав на параде должен был находиться в кузовах, а орудия цеплялись к автомобилям.

Получили новенькие «студебеккеры», правда, кузова пришлось менять. Американцы ставили металлические, из-за чего вместимость их была небольшой. И уже на Горьковском автозаводе были установлены деревянные кузова.

К параду готовились главным образом водители. Это были настоящие профессионалы. За плечами у них тысячи километров фронтовых дорог, это колоссальный опыт. Несколько раз выезжали на Манежную площадь в Москву, на тренировки.

Задача моя была несложной: надо было вовремя скомандовать равнение на главную трибуну.

В ночь перед Парадом спалось неважно. Волнение, ожидание. Помню, очень хотелось увидеть Сталина, да не только мне, всем участникам.

Ночь накануне Парада выдалась довольно холодной. Шёл мелкий такой, противный моросящий дождь. Задолго до начала машины полка выстроились в колонну. И вот, наконец, отмашка дана.

То, что было дальше, было как сон. Трибуны, ярким пятном фашистские знамена у Мавзолея, сам Мавзолей. Мне показалось, что я увидел Его. Того самого, на которого, как на икону, смотрела и молилась долгие годы вся страна. Сталина. Хотя что там можно было увидеть? Для нас Парад длился всего две минуты.

Две!!! Но какие. Я их не забуду никогда, эти две минуты. Память о тех мгновениях и какой-то особый восторг живы, они со мной. Для меня это был один из счастливейших дней в жизни.

Да, почти шестьдесят лет минуло, как одно мгновение. Вот и вся жизнь так, как одно мгновение...»

Раздался телефонный звонок. По его звуку понятно было – межгород. Саша, наверное.

---

³ РГК – Резерв Главного Командования.

«Сынок, здравствуй. Что-то ты неделю молчал, не звонил. Знаешь, я ведь скучаю. Не смог в январе приехать, так на двадцать третье приезжай».

Они поговорили о домашних делах, о Сашиных дочерях, о внуках. О погоде, о настроении, о здоровье. Договорились встретиться на День Защитника Отечества, двадцать третьего февраля.

Разве по телефону наговоришься? Вот когда сын приезжает, это два дня только одних разговоров. Причём в этом оба ненасытны. О доме, о детишках, об армии, о друзьях, о международных делах, о разном. Оба изголодались по взаимному общению. Оба понимали друг друга.

Это как праздник.

А когда уезжал Саня, его любимая шутка:

– А поговорить?

Поговорить, конечно, есть о чём. Опять в госпитале лежал, опять с сердцем проблемы. В мамку пошёл, слабоват телом. С другой стороны, понять можно. С двадцати трёх лет во власти. Постоянная ответственность за людей, за службу. Переезды, смена обстановки. Украина, Литва, Иркутск, Москва, Псковская область. Да ещё эта перестройка, чтоб ей неладно было. Вот и сдал малость. Но ничего, шутит, бодрится. Молодец. Ладно, приедет, поговорим.

Начинало темнеть. Зимой уже в четыре часа вечера дома полумрак. Включил свет.

Ну что, пойдём на кухню. Надо бы пообедать. Наверно, супчик съем, и достаточно. Куриный. Дочка принесла. Эх, что бы я без неё делал. Постирает и погладит. Приходит часто. Приготовит поесть. Молодец. У неё своих два мужика. Но ничего, справляется. Молодец.

Разогрел в микроволновке суп. С видимым усилием съел несколько ложек. Разогрел чайник. С печеньем попил чайку. Всё.

Перешёл в комнату. Сел в кресло. Закрыл глаза.

Передохнем.

Опять воспоминания.

«Гомель. Друзья, товарищи. Немного их было, но это действительно были настоящие друзья.

Семён Иванович Александров. Сколько же мы с ним знакомы? С шестьдесят третьего года. Да, более сорока лет. Сыновей в один год отправили в военное училище. Вместе радовались их успехам. Переживали вместе за дочерей, мою Татьянку и его Любочку. Все праздники вместе. Горевали, похоронив жён, тоже вместе. И особенно сблизились после смерти его жены Раисы Ивановны и сына Жени.

Похоронил я своего друга.

Ушли из жизни друзья и сослуживцы, Василий Васильевич Босовиков. Николай Зубарев, Сахновы. Один-одинёшенек остался в городе, который на долгие годы стал родным, где прожила семья сорок лет, почти половину моей жизни. Тяжело было уезжать, но и оставаться было значительно тяжелее. Один. Дети живут своей жизнью. Друзья ушли из жизни. Похоронил Елену Ивановну. Пришлось уехать».

Он медленно поднялся из кресла. Какая-то предательская слабость во всём теле. И перед глазами всё плывёт.

Потянулся рукой к телефону, набрал номер дочери:

– Танечка, доченька, плохо мне что-то, вызови «скорую».

– Папочка, всё сделаю, я сейчас прибегу к тебе. Ты только дверь открой. Сможешь? Всё, я звоню.

Через десять минут приехала «скорая помощь». Шумно вошла крепкая женщина лет сорока:

– Ну, что случилось? Не вставайте, не вставайте. Померяем давление. Плохо. А что принимали? Как утром себя чувствовали?

Дежурные вопросы. Врач и сама на них ответы знает, уже не впервые по его адресу приезжает. Зачастила «неотложка» к нему в последнее время.

Худо, особенно по вечерам. Уже не только рука, всё тело справа трясётся. Давление запредельное. Аппетита нет. Настроение паршивое. Единственное, что остаётся – к врачам обращаться. А что делать? В больницу не берут, лежал уже, и не один раз. Не лечат там. Что толку там лежать, поесть и дома можно, вкуснее хоть будет. Дома и кровать своя, всё лучше, удобнее и привычнее.

Врач поликлиники тоже, хоть и приходит регулярно, но посоветовать толком ничего не может, да и лекарств от этой трясучей болячки подходящих нет.

Они все как оценивают? Возраст, года его прошли.

Не жилец. Уже старик, не жилец.

Но почему именно его эта трясучка ест и ест, почему именно его? Да, восемьдесят четыре уже, летом восемьдесят пять будет. Память хорошая. Ноги, руки, голова – всё цело. Так неужто нет лекарств, вылечить человека?

Дочка пришла.

– Здравствуй, Танечка. Вот, пришлось опять врачей побеспокоить. Проходи, проходи.

Врач сделала укол, что-то советовала принять из лекарств, что-то завтра купить в аптеке. Надо завтра и врача на дом вызвать.

Всё. «Скорая» уехала:

– Папуля, ну как ты себя чувствуешь? Что ты хочешь? Может, чайку?

«Если бы она знала, что уже само её присутствие – это самое сильное лекарство. Легче мне стало, значительно легче. Но не может ведь она жить постоянно со мной, а я не могу к ней переехать, обузой быть боюсь, вот такая вот, как Ельцин говорил, „загогулина“...»

– Я у тебя сегодня переночую. И не возражай даже!

Посидела рядом, рассказала о домашних делах. Вроде бы и отвлёкся. Действительно, лучше стало.

– Доченька, я тебя очень прошу, иди домой, дома дел невпроворот, иди, доченька, спасибо тебе. Извини, что тревожу по пустякам.

– Папа, перестань.

Посидев ещё полчаса, дочь пошла домой. Хорошо, что живёт рядом. Десять минут – и дома.

Сердечко понемногу отходило. Стало как-то спокойнее.

Звонок:

– Папа, я дома. Как ты?

– Всё хорошо. Спасибо ещё раз, доченька, спасибо. Ты мне утречком позвони, ладно?

– Спокойной ночи, папочка. Целую тебя.

Он медленно поднялся из кресла. Часа два, наверно, сидел здесь. Пошёл в спальню, снял верхнюю одежду, прилёг на кровать.

На стене, напротив кровати, фотография Лены. Молодая, улыбается. С букетом цветов. Это её любимая фотография, этой фотке уже за шестьдесят, но это действительно лучшая из всех её фотографий. Леночка улыбается своей нежной, ласковой, доброй улыбкой. Как бы зовёт к себе.

«Скоро, скоро, родная. Скоро я приду к тебе».

Он закрыл глаза. Какое-то незнакомое тепло прошло по телу. Голова закружилась, закружилась. Как опьянел. Что это? Какое-то новое ощущение. Хотелось открыть глаза, но веки тяжёлые, не открываются. Руки потяжелели, стали неподъёмными. Воронка, воронка перед глазами. Люди, предметы, какие-то очертания. Всё, постепенно ускоряясь, закружилось.

И сразу покой.
Покой и расслабленность во всём теле.
Всё.

Он прожил большую жизнь. Восемьдесят четыре года. В августе был бы юбилей. Не дожил до него.

Умер достойно. Спокойно, тихо.

Мир лишился хорошего, сильного и доброго человека. А где-то, наверно, зарождалась новая жизнь. Жизнь нового маленького кричащего комочка, который, дай Бог, станет хорошим человеком.

Две истории

Август. Середина прошлого века. Подмосковье.

По узкой тропинке в сторону леса идёт женщина, а рядом пацан, лет эдак семи- восьми. С лукошками: у мальчишки поменьше, у женщины поболее будет. Видимо, по грибы направились. Грибной сезон нынче удался, грибов навалом, особенно маслят. Пройтись по ельничку, и за полчаса корзину наберёшь, это уж точно.

Звали женщину Елена Ивановна, мальчика – Сашка. Жили они неподалёку от вокзала, а вокзал прямо на окраине размещался, потому до леса им было, как говорят, рукой подать.

Было шесть часов утра, спешили они к первым грибам, пока народ проснётся да в лес пойдёт, а они уже здесь, подрезают себе грибочки и радуются. Стремление найти свой первый гриб подгоняло мальчугана. Он вприпрыжку скакал впереди матери. Елена Ивановна притормаживала его. – Сашенька, да не беги ты, успеем.

Он только смеялся в ответ.

– А я первый найду, а я первый найду!

Глазёнки у мальчугана так и горели.

Вот и лес. Понемногу и у Елены Ивановну просыпался азарт охотника за грибами.

Надо сказать, родившись и прожив практически все свои молодые годы в деревне, лесную жизнь она представляла себе прекрасно. В те годы все семьи, особенно в деревнях и маленьких городах, питались от земли, грибной сезон считался самым важным для заготовок на зиму. Грибы сушили, мариновали, солили, добавляли в различные салаты, консервы и другие блюда, которые со вкусом потребляли в студёную зимнюю пору.

Детей своих, а их у Елены Ивановны было двое, она с самого раннего возраста приучала к земле. Ребята помогали ей в огороде. Сажали овощи. Вместе на участке у дома собирали ягоды, фрукты. Весной обязательно вместе занимались цветами, вместе радовались их первым всходам. А когда бабушка отправлялась к вокзалу продавать свои георгины (их было много в цветнике) помогали ей нести тяжёлые корзины. Вот и в лес вместе ходили. Да практически и все их друзья, родственники, соседи в эти дни также пропадали в лесу.

Сегодня дочурка что-то захандрила, простыла, видимо, немного. Так что они с Сашком по грибы вдвоём идут.

Остановились у кромки леса. Это была уже традиция. Надо присмотреть место, куда войти, глянуть на солнышко, чтобы потом уверенно ориентироваться в лесу. Даже прислушаться. Может, где люди перекликаются, может, слышать, как трактора работают? Вокруг поля колхозные. Лето. Работа кипит.

– Ну-ка, Сашенька, прислушайся, что слышишь?

А тот уже прицелился и готов рвануть к тропинке в сторону леса.

– Нет, нет, чуть левее. Да, да, давай сюда пойдём. Только прошу, будь внимательней, мы должны видеть друг друга, понял, сынок?

– Мамоchка, конечно. Давай скорее пойдём, мне кажется, вон там гриб виден, – и он показал в сторону тропинки, которую присмотрел.

– Ну, с Богом.

Лес хвойный. Высокие, мощные сосны. Изредка – ели, они стояли как-то группками, величественно и мощно возвышаясь в лесном массиве. Временами попадались лиственные деревья и небольшие кустарники рядом. В лесной подстилке папоротник, моховые поляны. Здесь могли расти – да, собственно говоря, и росли, но в другое время – черника и прочие лесные прелести.

Елена Ивановна за годы хорошо изучила именно этот лес, и с удовольствием убеждалась: всё верно, наш лес по-прежнему богат на подарки.

Вот он, первый красавец, вот он, их грибочек. Под сосенкой спрятал свою коричневую головку белый гриб. Однако он явно был недоступен мальчишескому взгляду, быстрому, поверхностному, нетерпеливому.

Да, так и есть, проскочил Саша мимо грибной полянки.

В ход идет маленькая женская хитрость.

– Сынок, помоги, пожалуйста. Узелок в кошёлке завязался, не могу развязать.

– Мамоchка, ну пойдём, пойдём быстрее.

Саше не терпелось первым найти добычу, ну, а мама хотела, чтобы он увидел этот первый гриб сам. Елена Ивановна была уверена, что рядом, если внимательно посмотреть, ещё найдутся беляшечки. Так и есть, вон они, красавцы, да их штук пять, не меньше.

Мальчуган подбежал к матери. Помог распутать узелок котомки, где лежали бутерброды.

– Саша, мне кажется, где-то вон там мы в прошлом году с тобой находили грибочки, помнишь?

– Мамоchка есть, есть, вон, смотри! – Он потянул мать к тому самому грибу.

– Ой, молодец! Надо же, какой ты молодец. Давай поглядим, может, здесь ещё есть грибы?

Они принялись внимательно осматривать поляну. Конечно, нашли и дружков своего первого грибка, и не пять их было, а целых восемь. Какая удача, только вошли в лес и на тебе, уже половина Сашиной корзинки!

Вышли они к низкорослому ельнику и там нашли целый грибной клад. Маслята. Маленькие, это которые самые вкусные в маринованном виде. Да так много их.

Да! Тяжело будет нести добычу.

Незаметно прошло несколько часов. Усталости нет. Азарт ещё не пропал. Идут себе мама с сыном по лесочку, разговаривают, радуются каждому найденному грибку.

Надо бы и отдохнуть. А вот и местечко. Будто специально для отдыха сама природы выстроила. Ох, как красиво! Наверно, присядем.

Август. Перенесёмся в нынешние времена. Подмосковье.

Александр Николаевич, приехав после отпуска, сразу же рванул на работу. Знал, что всё в порядке, ежедневно общался с заместителем по телефону, но уж больно не терпелось вновь окунуться в труды и заботы. Соскучился.

Подарки на стол. Охи да ахи.

– Загорел-то как, похудел, похорошел. Ой, молодец. Отдых на пользу пошёл!

Как и предполагалось, и без него дела двигались, проблем не было. Ну и ладно. Оставалось ещё четыре дня отпуска. Решил он заехать на рынок, прикупить продуктов, зелени. По красной рыбке соскучился, не ел давно. И – домой. В любимую деревню.

Жил он с семьёй в Москве, но летом, да нет – раньше, ещё с мая, все переезжали за город. Здесь, на юге Подмосковья, рядом с городком, где долгое время жила теща, был у них крепкий, со всеми удобствами дом. Деревенька была не ахти какая, домов тридцать, из них половина заваливается и разваливается, а другая половина домов перестраивается и рушится, чтобы быть возведённой заново.

Люд местный – кто поумирал, кто к детям уехал от безрадостной жизни. Новых жильцов почти не было видно. Большая часть их в Москве работала. Утром и вечером видны были группы гастарбайтеров, спешащих на работу или в магазины за продуктами, или с работы, в те же недостроенные дома, где хозяева за мизерную плату разрешали им жить. В остальное время здесь был полный штиль.

На рынке оказалось удивительно много грибов. Даже весёлые хохлушки в мясных рядах и те предлагали: «Самые свеженькие, самые вкусенькие грибочки».

Однако цены также были удивительно запредельными. Не ниже цены французских трюфелей. В кучке три штучки. Но стоимость их!!! Даже не спрашивайте. И все экологически чистые, из самых глубин лесной чащи! Только сегодня, завтра уже их не будет!

И так захотелось Александру Николаевичу вспомнить, что он, просто Сашка, бежит по лесу, рядом мамка. Вместе они собирают красивейшие и очень вкусные грибы.

Нет, надо быстрее домой. Переоденусь, и за грибами. В лесу, однако, деревня. Наверное, есть грибочки. Домой. Быстрее.

Когда он появился дома, была половина первого дня. Поздновато, но всё же он был уверен, результат «грибалки», как он иногда говорил о сборе грибов, будет положительным. Надеяться на это позволяло и приличное число машин, стоящих в лесу вдоль дороги.

Надо сказать, в своих лесах, то есть в лесах, стоящих недалеко от деревни, он никогда не был. Но всё же лес – он везде лес, и если пришла пора грибам, то они наверняка есть повсюду.

Одевшись в рыбацкий камуфляж, высокие сапоги – других не было – он пошёл к машине. Подумав, вернулся, взял травматический пистолет, это так, на всякий случай. Чужих больно много в нашем Подмосковье.

И вот он, лес. Конечно не такой шикарный, как тот, что он видел в детстве. Сосенок почти нет, небольшие ельнички вперемишку с мощными, точнее, как оказалось, не мощными, а высокими берёзами.

Посмотрев по сторонам, определил для себя ориентиры, это было несложно. Шум трассы был таким, что, наверное, на пару километров вглубь леса его будет слышно, это уж точно. Проверил, заперта ли машина, на всякий случай поставил её на противоугонную блокировку и...

Вперёд, за детским счастьем, за хорошим настроением, за вкусными грибами. Вперёд!

Первые же десять метров в глубину леса радости не доставили. Сплошной бурелом. Откуда? Урагана не было, в чём дело, разве лес не чистят? А что же дальше?

Двигаемся вглубь.

Где-то полчаса с трудом наш Александр Николаевич рвался вглубь. Пейзаж был тот же, что и на входе в лес.

Бурелом.

Нашёл одну гнилую берёзу, где были грибы. Опята, видимо. Было их, наверное, много, и берёза просто была тупо зачищена второпях. Ну, помните, в кино показывают, скребки такие, которыми кору деревьев снимают? Видимо, здесь такой же скребок был применён. Труха вокруг, гнилью пахнет. Наверняка, сняв грибы и радуясь победе, грибоведы не одну бутылку раздавили за удачу. Кстати, вон и бутылки и закуска. Убрали бы хоть за собой. Ну, народ...

Ещё часа полтора-два блуждал любитель грибочков по лесу. Корзина его наполнялась. К четырём сыроежкам добавился с пяток опят, один красивый, но насквозь прогнивший подберёзовик, да и всё, вот весь итог похода.

Да! Не везёт, что ли? Хотя обглоданных пней и гнилушек по лесу стояло немало. Элитных грибов не наблюдалось.

Ну что же! Надо бы и отдохнуть. А вот и местечко. Поляна. На ней свалены спиленные, наверное, ещё в прошлом веке берёзы. То, что здесь отдыхают, видно по куче пакетов, бутылок и прочего бытового мусора.

Очистив себе уголок на брёвнышке, Александр Николаевич присел отдохнуть.

Вернёмся вновь в прошлый век., к нашим героям.

Елена Ивановна ловко и быстро накрыла импровизированный столик. Выложила помидоры, огурчики, зелень, пару кусочков хлеба. Овощи и зелень свои, мытые, вкусные. Открыла бабушкину тушёнку из курицы. В бутылочке на столе стоял компот. Два стаканчика.

– Сашенька, ополосни ручки, вон ручей рядом. Давай быстренько, не ленись, давай садись.

Аппетит разыгрался не на шутку. Они принялись за обед.

Солнышко хорошо припекало. В лесу, где-то рядом, слышалось перекикивание грибов:

– Ау! Володя, где ты?

– Здесь я! Иду, здесь я!

Прямо на поляну вышли двое. Видимо, муж и жена. Улыбаясь и переговариваясь между собой, они подошли к Елене Ивановне и Сашеньке.

– Утро доброе! Ты смотри, вот это улов, где же вы таких набрали? Мужчина опустился на корточки к корзинам и принялся рассматривать добычу грибников.

– Ну, вы молодцы, это же надо, какие симпатичные грибочки. У нас тоже немало, но таких боровичков нет, это точно. Смотри, Валя.

Женщина также, мило улыбаясь, рассматривала плоды работы трудяг.

Лена Ивановна приглашает путников к столу.

– Присаживайтесь. Перекусите, чем Бог послал. Милости прошу. Да не стесняйтесь, хватит всем. Своё, домашнее. Садитесь.

Грибники присели, достали свои узелки, а из них нехитрую снедь, и присоединились к матери с сыном.

Саня, быстро поев, принялся гоняться за бабочками, а троица повела степенный разговор о грибах, об урожае, о погоде, короче, обо всём, о чём могут говорить случайно познакомившиеся люди.

Оказалось, живут они на соседней улице. Муж, звали его Владимир, не работал, инвалид войны, протез вместо руки. Так, по дому управляется да по хозяйству трудится. Пенсия малая, но хватает. Валентина на кирпичном заводе в бухгалтерии работает. Почти ровесники с Еленой Ивановной.

За хорошим разговором время пролетело незаметно.

– Спасибо за приют, Елена Ивановна, приятно было познакомиться. Заходите, знаете теперь, где живём. Будем рады.

Гости, собрав остатки еды и взяв корзины, пошли в сторону города.

«Приятные люди, – подумала про случайных гостей Елена Ивановна, – вежливые, обходительные. Может и встретимся когда, город маленький».

– Ну что, Сашенька, будем, и мы домой собираться, урожай сегодня хорош. Папа и Танюшка рады будут. И Евдокия Павловна (это она о своей маме, бабушке Саши) похвалит. Попросим пожарить немного с картошкой. Да?

Сашка такое блюдо ел не раз и очень его любил. Его улыбка была знаком согласия.

– Пошли, мамочка.

Собрали пожитки, немного переложили добычу, так, чтобы сверху лежали самые красивые и большие белые грибы. Кстати, это была традиция, хорошая традиция, в городе все умельцы-собиратели грибов так делали. Пошли домой.

Ну, а как в подмосковном лесу идут дела у нашего героя? Напомню, он решил передохнуть.

А вот и местечко. Поляна. На ней свалены спиленные, наверное, ещё в прошлом веке берёзы. То, что здесь отдыхают, видно по куче пакетов, бутылок и прочего бытового мусора.

Очистив себе уголок на брёвнышке, Александр Николаевич присел. К сожалению, ни бутербродов, ни даже яблочка с собой он не брал. Надеялся по-быстрому так собрать грибки – и домой, а нет. Смешно даже подумать. В такие дебри забрался. Тут наверняка и волки есть. Это с Москвой рядом? Ужас. Но водичку, слава Богу, догадался взять.

Отпил полбутылки воды. Ноги гудят с непривычки. Всё задирали их. Через бурелом надо ведь как-то было перебираться. Кстати, машин с трассы совсем не слышно. Вот это номер, не хватало ещё заблудиться.

Где-то буквально в десяти шагах послышался разговор. Нет, это не разговор, это брань. Два сапожника, один явно женского пола, правду-матку режут друг другу.

– У! Да ты...

– Да сама ты...

Сейчас эти самые слова в телевизоре закрывают. Звуками «пи-пи-пи-пи»...

А вот и авторы этих шикарных тирад. Вспотевшая тётка неопределённого возраста и дедок лет под семьдесят.

– Слушай, мужик, – это они к Николаичу, – где тут трасса? Что-то заблудились мы. Эта корова потянула меня по грибы, чтоб я провалился. Знал, что блуданём! Так как? Куда идти?

Александр Николаевич примерно понимал, где трасса, да и послал с превеликим удовольствием туда ругающуюся парочку.

Минут двадцать была просто тишина, после прогулки по деревьям ему она показалась буквально звенящей. Да, так бывает. Усталость сказалась.

Послышался треск веток.

Кого ещё несёт в этой глухомани?

То, что было дальше, больше походило на фрагмент боевика с индейцами, пиками и пальбой из пистолетов.

Прямо на него выходил из бурьяна очень худой, высокий абориген, с внешностью узбека, таджика или кого там ещё из юго-восточных ребят, не разберёшь сразу. В руке у него была огромная дубина, разумеется, корзинки в другой руке не было. Кто это?

– Что надо? Настороженно спросил Александр Николаевич.

Мужик медленно двигался к нему.

– Стоять!

– Кто такой? Что надо!

Если честно, струхнул Александр Николаевич, здорово струхнул. А делать что? Кто его знает, что у этого человека на уме. А может он псих, сбежал из психушки, или ещё с войны, партизан, из лесов не вышел. Шутка. Одним еловом, надо было как-то остановить его и убираться самому, грибов он уже насобирался по горло.

И вдруг он вспомнил. В кармане приятной тяжестью болтается пистолет. Недавно Александр чертыхался от постоянного ощущения этой тяжести. Теперь она его радовала.

– Стоять. Стрелять буду.

Мужик замер и попятился. Запнувшись о пень, упал. Поднялся, попятился задом, задом и скрылся в лесу.

С перепугу наш герой на трассу выскочил уже через полчаса. Грибы взять не забыл. Машина стояла на месте. Завел и, успокоившись, поехал домой. Ну надо же, летом «снежного человека» увидел. И смех и грех.

Жена уже была дома, распаковывала продуктовую сумку. Сын её привез и опять умчался в Москву.

– Привет дорогой, с приездом. Где это ты побывать успел?

– Да так, грибочков захотелось, но, видимо, поздно, всё уже собрали.

Жена улыбнулась.

– Значит, я тебе угодила? Вот, опять с рынка. Дороговато, правда, но мне тоже почему-то захотелось грибов. Сейчас мигом приготовлю.

Через час со скворчащей сковороды на тарелке оказывается большая порция грибов с жареной картошкой. Вкусно, просто нет слов! И по стопочке за здоровье выпили. Вот только

о встрече в лесу Александр Николаевич жене ничего не сказал. Ещё перепугается, за город ездить не будет.

* * *

Вот такие две истории, простые человеческие истории. А вы поняли, кто их герой?

Да, верно, Сашика, он же Александр Николаевич.

Александр Николаевич помнит того весёлого улыбочивого мальчугана, помнит тот изумительной красоты лес, где он с мамой собирал грибы, настоящие русские классные грибы.

Помнит их улицу у Берёзовая она называлась, и действительно берёзы на аллеях вдоль домов были главным чудом их улицы. Помнит улыбки людей, их открытость и общительность. Люди тогда небогато жили, но делились последним, радовались за твои победы и достижения, вместе с тобой горевали об ушедших, помогали тебе. И никто – сейчас в это даже не верится – никто не мечтал о деньгах, мечтали о космосе, о поднятой целине, о вьшнем.

Прошло сорок лет. Всего лишь сорок лет.

Что случилось? Что произошло? Люди, где ваши улыбки? Почему у вас хмурые лица? Почему у вас мысли, как тот бурелом в лесной чаще? Откуда всё это? Люди, очнитесь! Подумайте о себе!

Нет, не сорок лет разделяют эти две маленькие человеческие истории. Их разделяет вечность.

Да пошли вы все...

Сан Саныч, заработав первый инфаркт, так и не понял, как и почему это произошло. Немного жгло в области желудка, как-то уж очень неприятно сводило мышцы рук. Ну, слабость была. Что ещё? Да, пот градом лил, вот это точно было, он хорошо помнил. Да и всё. Жена сообразила «скорую» вызвать, и правильно, а то сейчас уж и не было бы предмета для рассказа.

Врач своё дело хорошо знал, несколько манипуляций с кардиоприбором и приговор: инфаркт миокарда. Вот здесь Саныч испугался. Испугался по-настоящему.

Вперёд, в больницу. Конечно, надо было бы в госпиталь, полковником запаса был Александр Александрович, однако врач торопил, знал своё дело.

– Быстрее надо, пока вы там с госпиталем договоритесь, может поздно уже быть, потом решите вопрос с переводом, всё потом.

«Скорая» рванула, и уже через пятнадцать минут они были в больнице.

Дальше – реанимация пару дней, общая палата две недели, реабилитационный госпиталь почти месяц, санаторий, естественно, кардиологический, и выписка. Несколько похудевший, даже, скажем, похорошевший, Сан Саныч спустя почти два с половиной месяца появился на работе.

Коллеги встретили начальника – а был он генеральным директором небольшой коммерческой компании – с шампанским и конфетами.

– Да вы что, нельзя мне, ни в коем случае. Нельзя. Конфетку съем, пожалуй, но шампанское – ни-ни.

– Ну, шампусик нельзя, так коньячку. Можно, можно, сосуды расширяет. Можно.

С коллегами почему бы не выпить граммилку-другую? Да ладно, можно, совсем чуть-чуть.

Начальник пригубил чуток, потом ещё чуток. Всё. Хватит. Работать, работать всем.

Опять потянулись трудовые будни. Нельзя сказать, что все они были однообразными. Порой было так весело, что дыхание захватывало, сердце из груди выпрыгивало. Дело в том, что, как и всякое небольшое предприятие, фирма Саныча боролась за выживание. Заказов – то пусто, то густо. Больше пусто. А значит, надо народ напрягать. Болтают с подругами по телефону. А товар что, дядя должен продавать? Кто будет это делать? Ясно кто, конечно генеральный директор. Вот Сан Саныч и напрягался за подчинённых в поисках клиентуры, а дело это ох какое нерадостное, ох какое хлопотливое.

Выгонять сотрудников тоже накладно, плати им потом три месяца. А если жаловаться пойдут на то, что иногда поощрение в конвертах получают? Что тогда? Вот и сидел он, вкалывал за подчинённых, чертыхался и ждал, когда фирма разбогатеет.

Незаметно пролетело полгода. Июнь на дворе. Может, в отпуск на юга рвануть, ну там, в Турцию, Эмираты, Египет? Неплохо было бы.

Но всё это, оказалось, были только мечты.

А реальность?

Вот она.

Опять инфаркт. Да такой, что Сан Саныч понял – ангелочки за ним прилетели. Пора мол, давай.

Очнулся в реанимации. Покрутил головой...

Голоса. Бог ты мой, опять больница. А это сестрички в палате разговаривают.

– Слушай, Валюта. У меня впервые такое. Он сильный такой. Знаешь, мышцы играют, улыбка такая хорошая. Ну, что я могла сделать? Перед силой вряд ли устоишь, да и не хотела я, уж больно хорош паренёк.

– Ну а дальше, дальше?

- А что дальше? Ты же знаешь что дальше.
- Слушай, а как это было?
- Как, как, да никак. Смотри, твой в себя пришёл, вон головой крутит.
- Очнулся?
- Слушай, его жена где-то тут находится. Надо бы ей сказать.
- Да нет, сначала уж доктору.
- Нет, смотри, он действительно очнулся.
- Родненький, как мы себя чувствуем?

Хорошее лицо, молоденькая, но не москвичка. А впрочем, не поймёшь, кто есть кто. Нормальная девчонка, при чём здесь, москвичка или нет?

Так что случилось?

Появился доктор.

– А, пришёл в себя. Молодец. Мы уж переживали, больно долго без сознания находился. Инфаркт у тебя, миленький, инфаркт. Второй уже, как я понял, да? Ну да ладно, теперь на поправку пойдём, всё будет в норме. Отдыхай.

Врач померил давление, слегка потрогал провода и датчики, обильно опутавшие Сан Саныча, похлопал по плечу и ушёл.

Ну вот, опять влип. С чего бы это?

Уехал на дачу, встретился со строителями, их директором. Мирно так пообщались, шутили, о стройке говорили. Настроение хорошее, всё идет по плану. Не за горами завершение. Всё вроде в норме. И вдруг перед глазами всё поплыло, слабость, опять боль загрудинная, руки, пот и... обвал памяти. Очнулся уже здесь на койке. Надо, кстати, понять, где я.

– Девочки, что это за больница, где я?

– Госпиталь это, госпиталь. Бурденко.

Ну и хорошо, здесь хоть лечить будут, как-никак полковник.

На следующий день пришёл лечащий врач.

Разъяснив, что такое повторный инфаркт, и тем самым до смерти напугав своего пациента, доктор посоветовал обойтись малой кровью и установить стенты⁴. Для Саны-ча это было что-то из области космических наук, но ежели надо, значит надо. Цена вопроса была довольно приличной, однако когда на кону жизнь, денег никаких не жаль.

Одним словом, через полторы недели Сан Саныч, похудев от диетического питания, честно получил в свои, как он говорил, измученные нарзаном и пережитками реального социализма артерии, пару стентов. А дальше повторился предыдущий круг. Реабилитация месяц, санаторий три недели и вот она – свобода.

На сей раз Александр Александрович весьма серьёзно отнёсся ко всем рекомендациям докторов. Вовремя принимал таблетки, чаще дышал свежим воздухом. В Москве, правда, его найти трудновато, и по выходным семьёй стали ездить за город, на природу, благо дача уже почти достроена.

Всё получалось, но вот обрести покой и спокойствие он никак не мог.

Всё от этой несчастной работы. Бросишь её – на пенсию один сможешь недельку протянуть. А семья? Её кормить надо. Найти другую работу в его годы просто нереально. Поставить «зицпредседателя» вместо себя – растащат фирму в считанные дни. Вот такая вот сложная проблема.

И потянул наш Сан Саныч по новой свой тяжёлый воз. А что делать?

Опять суета, нервотрёпка, переговоры, проверки. Короче, пошла нормальная, если её можно считать нормальной, коммерческая жизнь. А что тут ненормального? Все так сейчас живут. Вот только воспринимают все эту данность по-разному. Кто-то домой пришёл и забыл

---

⁴ Стенты – расширители, вводимые внутрь кровеносного сосуда.

все проблемы, кому-то по жизни вообще наплевать на завтрашний день. Но Сан Саныч наш не относился к таковым. Для него каждый рабочий день как последний бой. Тщательно выбрит, свежая выглаженная рубашка. Хороший костюм. Начищенные туфли. В атаку. Ты же полковник, как-никак.

Ровно на полгода хватило генерального директора.

Как-то осенью, работая на стенде фирмы на выставке, Александр Александрович вновь почувствовал знакомые симптомы сердечных проблем. Лёгкое головокружение, подавляющее и жжение в области солнечного сплетения, опять обильный пот. А надо сказать, накануне выставки пришлось серьёзные баталии выдержать. Получили неплохой заказ, вот по нему и бились насмерть с друзьями-конкурентами. Победили, да, однако, судя по состоянию Саныча, большой кровью.

Нитроглицерин под язык. Стульчик. Посидел чуток, вроде всё в норме. Но звоночек неприятный. Надо бы в поликлинику сходить.

На следующий день не до поликлиники было. В офис зашли два добрых молодца, показали какие-то бумаги о проверке фирмы. Сан Саныч был ещё на пути к офису. Его о проверке сотрудники оповестили. Какая там поликлиника, бегом на работу.

Пришёл, а проверяющие чай пьют, анекдоты травят с секретаршей и бухгалтером. Смеются. Чего-то им весело так стало?

Оказалось, это были инспектора по лицензированию, перепутали хлопцы офис, к соседям шли.

– Ничего, говорят, не переживайте, и к вам зайдём, чай хороший.

– Заходите, заходите, а как же, чайку попьем. Но только не при моей жизни. Наш вид деятельности, слава Богу, не подлежит лицензированию. Нужны вы нам, как же.

Ушли ребята, а день испорчен.

«Пойду-ка я домой, – принял решение Сан Саныч, – настроение просто никакое».

Он распорядился по работе, глянул выписки, подписал какие-то документы и потопал на выход.

На улице было прохладно и сыро. Пасмурная осенняя погода всегда расстраивала его. Да ещё эта проверка, точнее, слова Богу, не проверка. Но напугать по телефону его старательная секретарь смогла не на шутку.

Пройдя метров сто – сто пятьдесят, Александр Александрович почувствовал, что задыхается. Это было какое-то новое, непонятное ощущение. А поскольку новое, то особенно неприятное. Он постоял, сделал вид, что читает рекламу на стене дома. Вроде отошло. Двинули. Метров через сто опять стоп. Валидол под язык и вновь читаем рекламу. Так потихоньку он добрался до метро.

Домой пришёл разбитым и расстроенным до крайности. Вызвал «скорую». Врач снял кардиограмму, что-то ему там не понравилось. Сделал укольчик. Посоветовал в поликлинику сходить и умчался по другому вызову. У них тоже, как и всё в этой жизни, бегом, бегом, скорее, скорее. Какой-то конвейер, примчался, уколол и дальше помчался.

Нет, пожалуй, действительно надо в поликлинику.

Естественно без записи, как говорится, «по скорой помощи», Александр Александрович на следующий день появился у врача.

Ничего доброго от врача в свой адрес он не услышал. Опять давление, стенокардия и прочее, прочее. И если он не прекратит... здесь даже врач задумалась, что «если»? Что, работать прекратить, жить прекратить или что? Однако её вывод был замечательно прост. Прекратить психовать и переживать за каждую мелочь. Вывод, конечно, был правильным, Сан Саныч это и сам знал. Но как это сделать? Для него это невозможно. Просто невозможно.

Договорились вновь провести обследование, поменяла врач схему приёма лекарств, да и сами лекарства порекомендовала другие.

В расстроенных чувствах Сан Саныч пришёл домой.

– Всё, отлежусь пару дней дома, может, пройдёт. Потом проверимся и обследуемся.

Поспал пару часов, перекусил, сел к телевизору. Но в мозгах по-прежнему работа. Как там да что там? Позвонил, переговорил с заместителем. Немного успокоился.

Вечерком ему позвонил приятель. Звали его Василий Сергеевич. Поговорили о службе (служили некогда вместе), о сослуживцах, о товарищах, о разном, наконец, подошли к сердечным делам. В полном смысле этого слова.

Сергеич подбросил интересную мысль, даже не просто подбросил – порекомендовал для лечения воспользоваться гомеопатическими средствами. Конечно, не просто воспользоваться, а пойти к конкретному человеку, он дал телефон этого человека, и пройти под контролем и с помощью специалиста курс лечения. Услуга эта платная. Но деньги на курс небольшие. Сами лекарства подороже будут.

Ну что же, попробуем.

Врач частной практики оказалась приятной женщиной с располагающей внешностью, хорошими манерами, тихим мягким голосом. Звали её Елена Константиновна. Профессионально она занималась гомеопатией, компьютерным иридоанализом и электропунктурой по Р. Фоллю. Для дилетанта звучит, конечно, сложновато, да и не особо вдумывался в медицинские термины Александр Александрович.

Купил он эти самые капельки, принимал их в соответствии с рекомендациями, точно по времени. Слушал выводы и рассуждения врача по результатам исследований роговицы глаз, то есть иридоанализа, а также анатомических точек на коже: этого, так называемого, электропунктурного обследования. Всё было новым, интересным и, при сравнительном анализе, весьма показательным.

Курс длился уже почти два месяца. Каждая встреча с Еленой Константиновной была интересной и давала массу тем к размышлению. Они говорили больше не о динамике его организма в ходе лечения, здесь всё было понятно, здесь цвет и график. Есть изменения к лучшему – больше зелёного, к худшему – красного. Так же и графика. Кривая вверх, кривая вниз. Плюс самочувствие. У Саныча с этим было всё вроде в порядке. Питался он по диете, вёл себя примерно. Спиртное не потреблял. Отчего же было чувствовать себя хуже? Вот организм и говорил: «Всё правильно, молодец, так держать».

Так вот, здесь действительно всё было в норме.

В этих беседах Александра Александровича больше трогала психологическая сторона дела, а Елена Константиновна, как оказалось, была прекрасным специалистом-психологом.

Он был холериком с явно неустойчивой психикой, знал это, пытался как-то бороться со своим организмом, точнее, с психикой, но куда там. Шашку наголо и вперёд! Вот ответ головы. А тело страдает.

Елена Константиновна рассказывала:

– Я слышу о страшной загруженности, о непомерной усталости, о непонимании домашних. Создаётся такое ощущение: эти пациенты, приходящие к доктору, думают, что его так же легко провести, как самого себя. И почему-то мало кто говорит о собственной лени, которая заставляет человека вжиматься плотнее в мягкое удобное кресло у телевизора вместо того, чтобы прогуляться по улице. Та же лень подталкивает вашу руку к сладкому пирожку или лишней рюмке. Лени – это наша самая низшая программа подсознания, порой превалирующая у человека.

Верно ведь сказано.

Или:

– ...состояние «бешеной перегруженности», когда нет времени подумать, как живёт твоё тело, когда ты «ежесекундно занят устройством хорошей жизни для всего человечества». В голове роится множество глобальных, недоступных уму другого человека идей и мыслей. И

нужно всё успеть, и сделать можешь это только ты, ты один, Не опоздать бы! Только потом выясняется, что это никому не было нужно. Или что некому эти идеи реализовывать, нет источника генерирования их, умер. Умер от этих идей.

Сан Саныч понял: это всё о нём.

Вот только как абстрагироваться от происходящего, как уйти от проблем? Видел он многих, особенно когда служил в армии, довольно безразлично воспринимающих личные неудачи, не складывающуюся карьеру. Поражала порой просто улыбка на лице человека, пять минут назад получившего нагоняй. Так это было ещё в советские времена, да ещё и в армии, весьма жёстком и даже жестоким государственным организме.

А сегодня? Здесь и сейчас?

Тебе нагло смотрят в глаза и врут, что нет денег за товар. Подождите, мол. А с рабочими я чем буду рассчитываться?

Растопырив пальцы, надувая щёки, люди нагло выдают себя за крутых бизнесменов. И ты должен верить?

В магазине спокойно, без зазрения совести тебе впарят гнилой товар, выдав его за перwokлассный. И ничего. Продавец даже не покраснеет.

Да так везде, на каждом шагу. И как на это всё реагировать? Да тут любой, самый прочный организм возмутится всеми своими почками, печёнками, поджелудочной, не говоря уже о сердце.

Но всё же диалоги и совместные размышления с врачом помогали Сан Санычу.

Сначала они как-то просто облегчали душу. Помогали анализировать поступки, различные ситуации, даже оценивать свое поведение, искать какие-то разумные выходы из положения. Затем дали пищу к рассуждению: «А что можно было сделать в такой-то ситуации, или в такой-то?». А это уже действие, это уже нормально.

Значит, выстраиваем цепочку.

Первое: глаза и уши восприняли.

Второе: мозг рассудил, осмыслил, оценил, дал куда надо команду и...

Третье: руки, или что там ещё, скорее всего, голова, сделали.

Как просто, оказывается! И как человечество живёт без этих прописных истин?

Шутка!

Конечно, всё это в теории известно людям. Но их поступки не всегда адекватны, точнее, так: восприятие действительности людьми выстроено порой чрезмерно пристрастно, с завышенной требовательностью. Отсюда и реакция.

Вот тебе и гомеопатия, и Фолль!

Оказывается, Сан Санычу психолог нужен был!

Вот это вывод.

Одна из заключительных встреч с врачом была Санычу особенно памятна. Да что там особенно. Как оказалось, это была главная его встреча, главная для понимания самого себя и формирования своего отношения к окружающему миру.

Дело было так.

Александр Александрович, разгорячившись, рассказывал врачу о задержке одной из структур оплаты за поставленную продукцию. Дело действительно было сложное, а главное, крайнего не найдёшь и до руководства в больших погонах не доберёшься. Закрытое ведомство, и всё тут. Ситуация грозила завершиться банкротством предприятия.

Как ни успокаивала Елена Константиновна вошедшего в раж собеседника, ничего не получалось.

– Да поймите, всё будет в порядке. Соберитесь, подумайте хорошенько, безвыходных ситуаций не бывает.

И в таком духе дальше...

– Да как они смеют! Есть же контракт, обязательства сторон, порядочность, в конце концов!

Видимо, ей это директорское занудство, наконец, надоело, и она сказала:

– Стоп, стоп, стоп! Вы можете поднять правую руку?

– Конечно, что за вопрос.

– Ну, поднимите. Так, выше, выше, ещё выше. Хорошо. А теперь резко опустите её вниз. Да не так. Как шашкой рубите. Нет, нет, резче, активнее. Ну, примерно так.

– А теперь...

Внимание, это была ключевая фраза.

– А теперь, – и она, высоко подняв правую руку, резко махнула ей и громко крикнула, да с душой так: – Да пошли вы все на фиг!!!

Наш Сан Саныч действительно офигел. Такого он от вежливой, суперинтеллигентной Елены Константиновны явно не ожидал.

Она же рассмеялась от души, увидев ошалевшие глаза пациента.

– Да, если тупик, то именно так. Можно ещё к чёрту, или ещё куда, вам знать лучше. Остановитесь! Замолчите! Подумайте, передохните, Шлите всех и вся, на здоровье. Именно на здоровье. Что будет от самоедства или переживаний пустых? Ясно что. Очередной инфаркт, и всё. А вам ещё жить и не одну проблему решать. Запомните это. Запомните накрепко.

Прошло три года.

Встретил я как-то Сан Саныча. Постройнел, бассейн и фитнес-клуб посещает. Бизнес не то чтобы сильно в гору пошёл, нет, по-прежнему с проблемами, но на ногах фирма стоит крепко, авторитетна в своей рыночной нише. Дома всё в норме.

– Как сердечко? – спрашиваю.

– Да как, нормально, помню, что инфаркты были, лекарства потребляю, естественно, без них никак, однако всё соответствует возрасту и перенесённым заболеваниям, как говорят врачи.

– Нервишки-то как?

– Да тоже в норме. Если что, рукой рубану правой, сразу легче становится. Первое время так с поднятой рукой и ходил, всех посылал к чертям всяким. Ну, а потом, видимо, рука устала, опустил. Нельзя же всю жизнь в этом, извиняюсь, бардаке рукой махать, устанешь. Однако мозги стали на место и, видимо, научились и головой и телом управлять, – смеётся Саныч.

Вот такая история с выздоровлением потенциального инвалида произошла.

Спасибо доктору.

Вучыцца трэба⁵

Представьте себе. Конец семидесятых прошлого века. НИИ прикладных физических проблем одной из республик СССР.

Это, так сказать, «для затравки», для понимания места и времени.

А теперь по существу.

Объявление о поездке в подшефный колхоз, на работы по уборке овощей, в лабораториях и службах института восприняли по-разному.

Люди постарше, да в должностях и званиях солиднее, хорошо понимая, что от этого обязательного ежегодного мероприятия не отвертеться, и принимая всё как данность, со скрипом, бурча, уныло готовились к поездке.

У приёмной директора на доске объявлений вывешены списки отъезжающих.

– Опять я! В прошлом, позапрошлом годах. И вот опять. А работа? Отчёт на носу. Ладно бы в будни. А то в субботу! Ведь святой день: баня, дача, отдых в кругу семьи, да мало ли... Просто не понимаю, куда смотрит руководство?

– Иван Михайлович, туда и смотрит, – за спиной профессора Резникова стоял заместитель директора по кадрам Филончиков. – И вам, одному из самых уважаемых работников института, не стоит возмущаться, вы же хорошо знаете, поездка всё одно состоится. Лучше мешочек-другой с собой прихватите, смотришь, овощей дадут.

– Да я что, я просто так. Куда деться, сельскому хозяйству помогать надо, мы это понимаем.

Профессор засеменял к лестнице.

– Действительно не забыть бы мешки с собой взять. Узелок завязать, что ли?

Институтский народ, тот, что моложе, против поездки совсем не возражал. Оно конечно, выходной жалко, однако для дела и своего выходного не жаль, а главное – можно и потрудиться, и оторваться по полной. Не впервой такая поездка. Когда ещё так вот в коллективе побудешь, да ещё целый день! И не просто целый день, а день без этих чёртовых формул, теорем и теории! Просто вот так вот пообщаться. И поохомить можно, победокурить, в допустимых пределах, разумеется, и посмеяться, да и просто пошутить.

Сборы были недолги. Пара замен расхворавшихся, и вот Филончиков – а именно ему, главному кадровику института, доверено возглавить в этом году поездку к шефам – на докладе у директора:

– Пал Палыч, всё готово, в списках тридцать четыре человека. Две группы, старшие назначены. Одним словом, мы к поездке готовы. Автобус заказан. Вы что-то будете говорить людям?

– Да нет, я думаю, Вы уж всё предусмотрели, со всеми переговорили, проинструктировали. Кстати, секретарь парткома с вами?

– Конечно, он всегда на такие поездки в первых рядах, и комсомол тоже с нами. Всё будет в порядке, Пал Палыч, не в первый раз.

– Товарищ Филончиков, на субботу у нас в лаборатории у Петрова Сергея Ивановича вылет на зондирование атмосферы, по программе исследования загрязнения почвы. Может, связаться с военными? Вертолёт, вероятно, и в вашей зоне, где предстоит работать, летать будет.

– Свяжитесь, голубчик, с военными, забор проб на вашей площадке, в колхозе, можно будет сделать. А пока Красовский, он ведь летит, с пробирками бегать будет, вы овощи загру-

---

⁵ Вучыцца трэба – учиться надо (бел.).

зите, что нашим сотрудникам дадут. Вертолётom ведь веселее. А я уж тут распоряжусь по машине, да и в институт подвезём. Отсюда и по домам развезёте. Как, правильная мысль?

– Спасибо, идея замечательная.

– Ну что же, с Богом, как говорится.

Договориться с военными – дело пустячное, они и себе морковки попросили.

Да поможем, какие проблемы!

Раннее осеннее утро, ещё темно, зябко. Но дождя, как вчера обещали в прогнозе погоды, к счастью, не было. К шести утра к главному корпусу института начал подтягиваться народ. Здесь было назначено место встречи. Автобус – это был вместительный ЛАЗ – уже ждал.

Филончиков, бодро перемещаясь от группы к группе, уточнял, сколько людей прибыло.

– Николай Ильич, у нас вроде бы все.

– А от нашей лаборатории доцент Глебов. Нет, не тот Глебов, который Глебов, а тот, который товарищ Глебов, запаздывает. Да нет! Вон он идёт, молодец, и гитару с собой, как обещал, тащит. Всё! Всё нормально, будет весело.

– Наши все, только по пути Хасевича надо взять. По Железнодорожной это, всё по пути.

А тот Глебов, который не тов. Глебов, всё же опаздывал.

– Пётр Тихонович, так где ваш доцент? Глебов где? Так где он?

Начальник лаборатории экспериментальной физики Гальцев, оглянувшись на коллег и не получив поддержки во взглядах, решил сдать доцента, но не то чтобы с потрохами – так, чуть-чуть.

– Он вчера ещё говорил, жена приболела, вот-вот родить должна. Может, что случилось? Николай Ильич, он рядом живёт, я пошлю кого-нибудь, разберёмся?

– Нет, уже шесть с минутами. Без него обойдёмся. Однако имейте в виду: не отработаете за сотрудника – доложу директору.

– Да нет, всё будет в порядке, – обрадовался Гальцев, – всё путём!

– Тогда поехали!

Расстояние до подшефного колхоза «Путь Ильича» было примерно семьдесят километров, это около полутора часов пути. Удобно разместившись в автобусе, кто притих и, прикрыв глаза, посапывал, кто мирно беседовал с соседом. Молодёжь, так та с гитарой на задних сиденьях вспоминала студенческий песенный репертуар.

Замечательно!

И так, по практически свободной дороге, домчались за час пятнадцать.

А вот и правление.

Колхозный сторож, видимо, уже предупреждённый о приезде шефов, довольно толково показал, как доехать к полю, где ожидало приезжих местное руководство во главе с председателем.

– Ждём, ждём, товарищи! Здравствуйте! Как доехали? Ну и прекрасно, молодцы, молодцы! Морковка ждёт. Хорошая уродилась, сочная, чистенькая, просто прелесть. Давно такого урожая не было. Значит, так...

И председатель коротко и доходчиво объяснил, как надо её, родимую, эту самую морковь, убирать.

– Вона там мешки, ведра, тяпки есть, кто не брал из дому, перчатки дадим. Мешок набрали, значит, сорок килограммов есть. И к дороге, вона туда. И так до обеда. Обед подвезут к двум часам. Вона там будочка и стол, тамака и вещи положить можно. И рядом, видите, маленькая будочка, это тому, кто по нужде захочет, пожалте. Если какие вопросы – вот Кузьмич, наш завхоз, подскажет. Кузьмич, ты понял?

– Понятно усё! Зробим⁶!

Поговорив ещё пару минут с Филончиковым, председатель укатил на ГАЗике⁷ к лесу.

– Надо бы митинг провести, а, Николай Ильич? – предложил секретарь парткома.

– Да какой митинг? Дома пиши в отчётах что хочешь, хоть о трёх митингах. Смотри, поле какое, боюсь, не осилим до вечера. Да ещё председатель намекнул, что на вертолётах областное руководство облёт планирует делать. Начинать надо быстрее. Давай, ты идешь в первой группе, я во вторую, вот тебе и весь митинг.

– Товарищи! Пошли все переодеваться!

Пока шли к вагончику да переодевались, приставленный к шефам Кузьмич мирно балагурил, рассказывая о колхозе и нынешней уборке урожая. Судя по его уверенному голосу и жестам, этот дед был, видимо, местным Щукарём.

– А маленький домик, для нужды, почему поставили? Недели полторы назад деучатки приезжали, свёклу собирать. Вона там, прямо у деревни дело было. Крайняя хата – это Мартыновны дом. Богатая изба, добротная! На улице туалет, как дворец, почитай. Деучата к ней, мол, пусти, по делам надобно. А она – вона, в лес идите. Это деучаткам! Ну так шибко обиделись они на Мартыновну, и в обед умудрились в ейный туалет пару брикетов дрожжей бросить. Где уж достали? А можа, с собой привезли, уж и не ведаю. День-два ничего, сыро было. А аккурат к среде, да ещё поутру, як солнышко вышло, как попрётъ, да как попрётъ! Вонища... Да всё на огород, на огород!!! И смех и грех... Дык председатель говорит, дешевле на каждом километре по туалету поставить, чем с Мартыновной бодаться. Вот и стоит кукушатник. Хороший, видный, свежей доской пахнет.

– А ещё курсанты приезжали на днях, тоже собирать урожай, только они свёклу выдерживали. Так те в обед, наверное, чтобы от своих командиров спрятаться, винцо креплёное по бутылкам пустым – помню, «Анапа» была – так они это вино в сифоны, как газировку, заправили. Пьют себе помаленьку, «ситро» мол, в сифоне. Пьют да пьют. А командиры сами от подчинённых тихонько по стопарикам водку наливают. Наливают и наливают. Так те ж молодая, не понимают, в кровь все винные градусы вместе с газом и идут. Опьянели шибко сильно. Нет, нет, не буянили. Но шибко весёлыми стали. А сидели они, так сказать, к природе поближе, вона там, на бережку речки нашей. А за речкой, аккурат в загоне, скот колхозный пасся. Так с первыми песнями всё стадо по лесам и разбежалось. По сей день собирают пастухи стадо. Два дня опосля надои напрочь упали. Во как было!

Какой там митинг! Кузьмичёвы рассказы развеселили учёный народ. Все сотрудники института рвались в бой!

Где она, эта морковь? Ну, мы сейчас...

Филончиков притормозил Кузьмича, который, почувствовав, что владеет аудиторией, увидев одобрительные улыбки на лицах трудяг, готовился ещё что-то рассказать.

Работа спорилась. Всё получалось, как и инструктировал председатель.

– Вот отсюда и до обеда, как раз полполя. Дальше кушать будем.

К обеду народ изрядно подустал. Смешков уже не было слышать. И лишь неутомонный Кузьмич то в одном краю, то в другом с улыбкой рассказывал свои байки.

– Вот как сейчас помню...

Забирать мешки приезжал колхозный тракторишка с прицепом. Тракторист, хмурый, с весьма серьёзным и значительным лицом дядька в годах, Миронычем его звали, с укоризной смотрел, как неумело, однако со старанием, доцент Клячин и младший научный сотрудник Ковриков – это они отвечали за погрузку – забрасывали в прицеп мешки.

---

⁶ Зробим – сделаем (бел.).

⁷ ГАЗик – внедорожный легковой автомобиль Горьковского автомобильного завода.

– Осторожно, побьёшь всё, там же морковка, а не железо. Давай, давай, кантуй, да потихоньку, осторожнее. Ничего не можете, как же так можно? Морковку и то не можете загрузить. Вучыть вас трэба. Аей-аей...

Обед прибыл на ГАЗончике председателя. Повариха Валентина, полная, краснощёкая деваха, шумно и суетливо принялась расставлять на столе миски, разложила хлеб, ложки. Появились два термоса, с наваристым борщом и чаем.

– Обед, обед!!! Поскорее! Все за стол!

Чувствовалось, что весь обеденный ритуал Валентине привычен, да и приятен.

– Садитесь, плотнее, поплотнее! Вона там ещё лавчонка, садитесь, места всем хватит. Кто за добавкой? Прошу, пожалста...

Из-за леса послышался сначала приглушённый, затем всё нарастающий и нарастающий звук.

Вертолёт.

И тут же взревел мотор ГАЗика. Председатель и сопровождающие его лица уже через минуту скрылись на лесной дороге.

– Так это военный вертолёт! Красовский летит!

– Ну, потеха, – шумно захохотал Кузьмич, – а председатель подумал, что по его душу областное начальство прибыло, и дал дёру! Ну, потеха! Смотри, за минуту скрылся, во даёт, ну, молодец...

Вертолёт приземлился на поляну рядом с дорогой. Красовский радостно подбежал к обедающим коллегам, степенно подошли пилоты.

Минут через сорок после проведённых исследований, загрузив многочисленные колбочки и пробирки с пробами, прихватив обещанную трудовому коллективу морковь, килограммов эдак четыреста, вертолёт улетел в сторону города.

Всё. Обед завершён. Небольшой перекур, и народ вновь ринулся на борьбу за урожай, природа звала. Уже и результат был виден, да и границы моркового поля уже отчётливо наблюдались.

Вновь автоматические, несколько натруженные, но ставшие уже привычными за эти несколько часов движения: наклон, морковка, почистили, обтряхнули, в ведро. Полное ведро – вперёд, к мешку. Пока идёшь обратно, отдыхаешь.

Ворчливый Мироныч ещё пару раз проехал на тракторе.

– Да поживей, поживей, хлопцы, мне ещё трэба обернуться разок, поживей!

И председатель пару раз подскакивал. Опасливо поглядывая на небо, интересовался:

– Ну, как тут у вас? Молодца! Всё поспевааете, отлично.

И вот он, радостный финал. Ещё не было и шести, а поле пройдено.

Народ повеселел.

Уже и шутки, подначки, прибаутки пошли.

Скоро домой.

Те, что математики, считали, сколько тонн моркови ими было перелопачено, делили на число работающих, умножали на среднестатистический состав семей, что-то округляли и так далее.

Физики не были бы физиками, если бы не обсудили, способна ли эволюция современного мироздания оторвать, наконец, человека от сохи и создать технику, способную собирать эту несчастную морковь без непосредственного участия человека.

Связанные с исследованиями природных аномалий с удивлением, озабоченно рассуждали: почему не было, хоть и обещали, дождя – что-то ненормальное творится с природой...

Устав от собственного балагурства, у бытовки дремал Кузьмич.

Автобус, кстати, стоял наготове: водитель так же мечтал и о вечерней субботней баньке, и любимый футбол по телику посмотреть, как-никак первенство завершается.

Полная идиллия.

Сборы почти завершились, когда к бытовке в очередной раз подъехал на своей технике старый ворчун Мироныч.

Филончиков с умиротворённым видом и мягкой улыбкой обращается к трактористу:

– Спасибо, Мироныч, без тебя мы бы не справились. Техника у тебя что надо, как часы работает. Молодец!

И здесь произошло то, о чём долго ещё вспоминал весь институт. Да нет, не пару дней и не месяц – десятилетиями потом вспоминал.

Гордо приосанившись, хмуро выслушав Филончикова, Мироныч молвил свою знаменитую речь.

– Вось я и кажу⁸, жалко мне вас, ох как жалко. Коли я вучылся у профтехвучилищы, то и специальность получил. На трактор посажен. Во как! Дык вот. Гляжу я на вас, жалко мне вас – вучыцца трэба!..

Мёртвая тишина...

Затем раздался хохот, переходящий в истерический вой.

Научный мир, прибывший на помощь колхозу, обучающийся с пеленок и до седых волос, очкастый, облысевший от научных трудов и поисков, хохотал гомерическим смехом.

– Ну, Мироныч...

– Надо же...

– Учиться...

– Осадил...

– Урыл...

На такой вот ноте, с удивительно хорошим настроением, с Миронычевской подзарядкой: «...вучыцца трэба!..», уезжали сотрудники НИИ домой, и песни были, и шутки, и шумные воспоминания о работе в поле.

Но главное: «...вучыцца трэба!..» – помнили все.

Человеческая жалость Мироныча была хорошо принята и руководством института. Частенько на совещаниях, в ходе различных слушаний, конференций, даже на Учёном Совете, если возникало некое непонимание позиций, а то и тупики в научных спорах, несогласия и прочее, директор института ставил точку:

– Так что там по этому поводу говорил Мироныч? А? Вот то-то. Вучыцца трэба!..

Да и сотрудники не отставали.

– Как велел Мироныч, вучыцца трэба!..

А то и просто произнося имя Мироныча, задорно смеялись, словно это анекдот номер такой-то.

Ха-ха-ха!!!

Прошли годы. Встречаясь, бывшие и ныне работающие учёные, сотрудники института, был ли кто на той знаменитой уборке морковки или не был (теперь это уже и не важно), вспоминали:

– А помнишь: «...вучыцца трэба!..», – и по-доброму хохотали.

– Ну, Мироныч, ну дал копоты, три десятка лет уж прошло, а помнят наши его слова.

Во как вошёл в историю!

---

⁸ Кажу – говорю (бел.).

День рождения

«Опыт истекших трёх с лишним лет показал, что положительные результаты в борьбе с пьянством достигаются там, где эта работа ведётся в соответствии с принципиальными установками партии – комплексно, последовательно и целеустремлённо, при умелом сочетании воспитательных, экономических, медицинских и административно-правовых мер. Скоординированные усилия партийных, советских, правоохранительных органов и общественных организаций позволили заметно сократить число случаев пьянства на производстве и в общественных местах. Оздоровляется обстановка в семьях, понизился уровень травматизма. Сократилась преступность на почве пьянства».
Из постановления ЦК КПСС «О ходе выполнения постановлений ЦК КПСС по вопросам усиления борьбы с пьянством и алкоголизмом».
Октябрь 1988 года

– Геннадий Павлович, разрешите?

В дверь кабинета директора протиснулся невысокого роста лысоватый человек. Протиснулся, а уж потом легонько постучал в дверь, уже с внутренней стороны.

– Разрешите?

– Да ты уже вошёл, давай проходи. Что там у тебя?

– Да вот, хотел бы посоветоваться с вами. Не читали сегодняшнюю прессу? Не успели. Понимаю, понимаю. Дело в том, что в «Правде» опубликован текст постановления ЦК партии о ходе выполнения решений по вопросам борьбы с пьянством и алкоголизмом. Так мне тут горком рекомендует срочно на собрание актива вопрос этот вынести. Как быть?

– Что значит «как быть»? Выполнять, конечно, что за вопрос. Только непонятно, почему так срочно и так часто? Наш народ и так уже пить перестал, нет спиртного в продаже. Мы же вроде на прошлой неделе эту тему обсуждали, не так ли?

– Ну, я не могу перечить горкому, сами понимаете. Приказали доложить немедленно наше решение и дату. Кто-то подъедет из обкомовских.

– Ну, озадачат так озадачат. Обком – это серьёзно. Твои предложения, Петрович.

– Да завтра, я думаю, и соберёмся. Что тянуть, ноябрьские близятся, не хотелось бы к празднику затягивать.

– А что нам праздник? Всё одно кефиром чокаться за столами будем, – усмехнулся директор.

– Ну, ладно, звони в горком и организовывай, передай там нашим, я распорядился. Наверное, часиков на шестнадцать.

Секретарь парткома, шумно вздохнув, вышел из кабинета предприятия.

Собрать людей не проблема: сначала у себя, в центре, затем уж сами по филиалам. Главное здесь – перед областью и горкомом достойно выступить, сожрут ведь с потрохами, если что не так.

И Пётр Петрович с озабоченным видом быстрым шагом направился к себе в кабинет.

Здесь, уважаемый читатель, по всей вероятности, следует остановиться и сделать несколько пояснений.

Прежде всего, о предприятии.

В городе о нём знали все, но минимум людей знали и понимали, чем оно занимается. Приходят люди на работу, что-то пишут, куда-то носят свои бумаги, заседают, ездят в командировки, получают зарплату.

Предприятие, как и тысячи аналогичных, являлось так называемым «ящиком» и работало в интересах одного из силовых ведомств. По рекомендациям ведомства и под его контролем оно разрабатывало себе задачи, само их решало и информировало вышестоящие инстанции об успешном, как правило, их решении. Итоговый результат труда коллектива виден практически не был. А как его посмотришь? Ладно бы кастрюли выпускало, так те хоть посчитать можно. Прохудилась кастрюлька – получай по шее. Блестит и не течёт – получай премию. А здесь...

А может и хорошо? Меньше знаешь – лучше спишь.

Ну и ладно. Зарплата есть, премиальные набегают, всё прекрасно.

Предприятие имело около десятка филиалов. Все они были разбросаны по области. Руководство головного частенько ездило в командировки в подчинённые учреждения, заслушивало руководителей, рекомендовало коллективам усилить, добиться, обеспечить и так далее. А с тысяча девятьсот восемьдесят пятого года рекомендации стали более конкретными. Всем следовало перестраиваться. Причём делать это нужно было энергично, включив весь потенциал трудового коллектива.

Вот такое было интересное предприятие.

Городок, где находилось управление «ящика», был небольшим. Бетонный завод и хлебокомбинат – это его промышленность. Баня, дом культуры, парк культуры и отдыха, два ресторана, кафе, две школы и три детсада – это социальная инфраструктура.

На этом фоне предприятие с его почти полутысячным коллективом было, как сейчас говорят, градообразующим. Ещё бы! На балансе свои шесть пятиэтажек, садик, ясли. Огромная столовая, больше на комбинат питания похожая, своё тепличное хозяйство.

Руководство предприятия в городе уважали. Секретарь парткома и заместитель по науке – члены бюро Горкома. Сам директор в Обкоме партии членствует. Милиция на поклон ходит за дружинниками. Ну и так далее. Одним словом, хорошее предприятие, так сказать, ячейка твёрдого социалистического образца.

Ну вот, а теперь продолжим.

Пётр Петрович позвонил в горком, доложил о времени и дате собрания. И по команде горкома он уже звонил в область, в организационной отдел обкома партии, заведующему.

– Николай Сергеевич? День добрый. К нам собираетесь? Прекрасно! Ждем. Да, завтра, в четыре часа. Почему завтра? Так от вас же рекомендации пришли срочно работу провести. Да. Да, телефонограмма от Первого. Да ничего, подготовимся, не впервой. Вы как, на машине? Отлично, гостиницу подготовим. Да, ваш номер. Безусловно, всё будет прекрасно. Просьбы какие есть? Да, сейчас Пикуль на базе есть, полный сборник. Всё понял, будет. И коробочку соберём. Ну, как всегда, вы понимаете. Всё в порядке. До встречи.

Переведя дух, Пётр Петрович положил трубку. Самое неприятное сделано, теперь надо готовиться к собранию. Секретарь принялся названивать секретарям парторганизаций, предупреждая о приезде высокого гостя и времени собрания. Работу эту он делал быстро, нельзя сказать, что с большим желанием. Дело это хлопотное, но надо. Куда денешься.

Часа полтора он согласовывал, убеждал, рассказывал, кое-кого приструнить пришлось. Ишь ты, перестройка. Я те дам «перестройка». Сказали выступить – готовься, да говори что надо, а не так себе. Перевёл дух, глотнул чайку наспех, и к директору.

– Геннадий Павлович, вроде всё готово, всем задачи поставил, надо ещё в клуб, столовку и на базу заскочить.

– Кто приедет? Да этот, как его, Сергеич. Да, Николай Сергеевич, заведующий отделом. Мужик нормальный я его знаю, беру на себя. Вы-то слово скажете? Как в прениях? Я Николаю Сергеевичу доложил, что вы основной докладчик. Он удовлетворился, вопрос-то очень важный. Виноват, виноват. Но прошу вас. У вас же есть материал с прошлого собрания! Ну и

что, что люди слышали, обком ведь не был на последнем собрании. Ну, я прошу вас. Ну, вот и отлично, спасибо, уважили секретаря! Я помчался?

Геннадий Павлович, помрачнел, пристукнул ладонью по столу, повернулся к окну, прикрыл глаза и притих. Так он успокаивался.

Если что-то его тревожило или беспокоило, он настраивался на какие-либо хорошие мысли, воспоминания. Правда, в последние годы их становилось всё меньше и меньше. Больше какая-то суета и хаос. Но отвлечься надо, а то можно и до инфаркта додуматься да испереживаться: «Всё, молчим. Итак. Завтра, завтра. Стоп! Так завтра мой день рождения. Вот напортачил себе, так напортачил».

– Любочка, – это он секретарше, – срочно ко мне Петра Петровича.

Пётр Петрович появился ровно через сорок минут.

– Уважаемый секретарь парткома, а что завтра за день, не скажете ли?

Петрович шкурой почувствовал подвох в словах директора.

– Так пятница. Двадцать восьмое октября. А что?

– Да ничего! Завтра я родился!

– Вот гадёныш! Не напомнил! Ну, я ему! – это он о начальнике отдела кадров; – ну, я ему!!!

И, не моргнув глазом, глядя в глаза шефу:

– Так мы знаем, народ готовится. А что случилось?

– Как что, в день рождения и актив? Как-то всё это неправильно.

– Геннадий Павлович, так вы же сами назначили день и час, я был уверен, что это вы специально, мол, отбобимся и всё, отдыхай.

– Ну да, отдыхай, с вами отдохнёшь...

Геннадий Павлович вновь повернулся к окну и тоскливо посмотрел на осеннее небо, на суetyащихся за окном людей. Да! Он промахнулся. Однако действительно ничего страшного не произошло.

– Ладно, проехали. Как там у нас в клубе, готовятся?

– Да, мы решили зрительный зал не занимать, обойдёмся актовым, человек около семи-десяти будет, все поместятся. У Маши, в столовой, тоже всё в порядке. Заказал банкетный зал. В гостиницу позвонил, место забронировал. Вроде как всё крутится.

– А банкетный зал зачем?

– Так у вас день рождения, да и Сергеича всё одно кормить надо где-то.

– Ну, ты перехватил. Обсуждаем борьбу с пьянством и идём пить водку за здоровье докладчика? Так что ли?

– Да нет, вы не так поняли.

– Да всё я понял! Значит, так. Никаких банкетов. Не юбилей. В моей комнате, если хотите, соберёмся, только с газировкой. Ясно?

– Куда уж яснее.

– Всё, давай до завтра. Мне ещё поработать надо. Пока.

– Любовь Андреевна, зайдите.

Время было уже позднее, секретаршу надо было отпускать, и директор, распорядившись по некоторым срочным служебным вопросам, заперся в кабинете готовиться к собранию партийного актива.

Утренняя суета следующего дня ничем не отличалась от предыдущего. Разве что еже-секундное напоминание о том, что он имел честь в этот день родиться. Огромный букет на столе – Любочка расстаралась. А дальше вновь пятиминутка, затянувшаяся у директора на час. Звонки, разговоры, посетители и бесконечные поздравления по телефону, при встрече в коридоре и даже на лестничной клетке. Всё это к обеду уже утомило директора.

– Люба, никого не пускай и не соединяй ни с кем. Дай мне полчасика передышки. Договорились?

Закрыв глаза, как некогда делал замечательный Штирлиц, Геннадий Павлович постарался расслабиться.

Не прошло и десяти минут, как в дверь постучались. Приехал заведующий отделом обкома Бортников Николай Сергеевич. Он, широко улыбаясь, шумно, как свой человек, вошёл в кабинет директора.

– Имениннику пламенный партийный привет.

Он обнял директора, расцеловал в обе щёки.

– От Первого и себя лично. Да что там, от всего областного комитета партии поздравляю вас, Геннадий Павлович, с днём рождения. Желаю успехов в вашей очень важной работе, бодрости духа, семейного благополучия! С днём рождения вас.

Обернувшись к своему помощнику, взял букет и вручил его имениннику. В кабинете почувствовался аромат цветочной свежести.

Настроение у директора понемногу стало улучшаться, усталость прошла.

– Спасибо, дорогой Николай Сергеевич, тронут, весьма тронут.

Кабинет наполнился людьми, пришли заместители Геннадия Павловича, секретарь принесла поднос с чаем, пирожные, сахар. Народ расселся за столом.

– В другие времена и чарочку бы налили, но нынче нельзя. Перестраиваемся. Мыслить начинаем по-новому, – прихлёбывая чаёк, рассуждал обкомовец.

– Да, не те нынче времена, – с некой тоской в голосе поддержал гостя секретарь парткома.

– Помню вот...

– Петрович, – оборвал директор, – а у нас как там по активу, всё готово?

– Да, да, сейчас проверять пойду. Можно, Николай Сергеевич?

И секретарь парткома ретировался за дверь. Действительно, пора было уже и в клуб идти.

Собрание началось. Народ, понимал: чем организованнее всё пройдет, тем раньше люди по домам разойдутся: пятница как-никак, конец рабочей недели.

Ровно в шестнадцать партактив собрался в актовом зале.

Директор, периодически поглядывая на лежащую перед ним стопку листов, начал доклад. Ничего свежего, естественно, люди от него не слышали, разве что пожелания перестраиваться, по-новому смотреть на жизнь, мыслить по-новому, звучали не так убедительно, как три года назад, в апреле восемьдесят пятого года, когда только заговорили о перестройке. Народ сидел и слушал внимательно. Так надо.

– Однако кое-где кое-кто хотел бы вернуться к старому, поощрять пьяные застолья, проходить мимо пьяного дебоша и бытовых развратов на почве пьянства. Не бывать этому! Не допустим! (*Аплодисменты*)

В таком духе директор, грозно сверкая глазами, продолжал ещё около тридцати минут. Досталось всем. Уборщице Комковой, попавшей в милицию в прошлом году за продажу самогона, столяру Максимычу, заснувшему на верстаке после пьянки. Всем.

Выступившие в прениях так же гневно рассуждали о вреде пьянства. Все были согласны с тем, что надо работать ещё лучше и ещё энергичнее. Дать настоящий бой пьянству и тем, кто злоупотребляет спиртным.

Порадовал всех секретарь комитета комсомола:

– Мы, комсомол, и свадьбы теперь будем проводить без спиртного, только квас и газировка.

Из зала кто-то: «И кто на эти свадьбы пойдёт?»

Всем стало весело. Зал оживился.

Однако в основном все говорили правильно и коротко. Хотелось домой.

Наконец на трибуну поднялся представитель областного комитета КПСС.

– Вижу, правильные вещи говорите здесь, товарищи. Есть уверенность, что решение Центрального Комитета КПСС по борьбе с пьянством и алкоголизмом понимают в вашей партийной организации верно. Спасибо вам за это понимание.

Николай Сергеевич ещё долго и довольно нудно призывал к решительной борьбе с огромным злом, чуждым социализму явлением – пьянством.

Наконец решение принято, народ потянулся домой.

– Николай Сергеевич, Пётр Петрович, задержитесь, пройдёмте в мой кабинет. Надо посоветоваться по некоторым вопросам. Пётр Петрович, пригласите наших. Ну, кадровика, зама по науке, снабженца нашего уважаемого, военпреда. Жду через десять минут. Пошли, Николай Сергеевич.

Ровно через десять минут все собрались в тёмной комнате, рядом с кабинетом директора. Начались торжества.

Коллеги по работе подарили своему шефу огромный самовар, стопку книг из серии ЖЗЛ – их директор уже много лет собирал. Звучали добрые, хорошие, значимые слова. Директору всё это было весьма лестно и приятно. Вот только блеска в глазах тостующих, обычного праздничного блеска, не было.

Чай, кофе, газировка, «Буратино». А где привычные водочка и коньяк? Где, спрашивается?

Нельзя. С нас люди пример берут. Вот так-то.

Через двадцать минут откланялся старший военпред Соловьёв.

– Геннадий Павлович, спасибо за стол, за приглашение. Ещё раз с праздником вас, здоровья, семье благополучия. Всего доброго, домашние ждут. До свидания.

Сергея Фомича Соловьёва дома никто не ждал: жена в отпуске, детишки давно выросли и в столице пристроены, учатся. Но так стало тоскливо и горько от этих пирожных полковнику, что решил он забежать в столовую – там всегда стопочку-другую нальют. Как-никак, к руководству он по должности относится. Уважают его. Уважают все и везде, в столовой тоже.

Распростился с коллегами и Кузьма Ильич Видный.

– Дела! Надо ещё с документами посидеть. Вы уж, Геннадий Павлович, не ругайте. Здоровья вам и только здоровья. Успехов в работе, а мы уж вам всегда поможем. Мы же не только коллеги, но и друзья. Друзья по-другому не могут. До свидания.

Дел у Видного всегда была куча, кадровик, как-никак, однако сегодня что-то не работалось, да и домой не тянуло. Жена опять перегоревшим торшером попрекать будет, да и полочка на кухне не прибита. Домой идти не хотелось. Душа требовала продолжения, да нет, требовала начала банкета. Тем более, отмазка готова: у шефа день рождения. Можно и рюмочку принять. Вот только куда пойти? В ресторан? Нельзя, люди увидят, жене доложат в момент. Надо идти в столовку. Там всегда примут. Да и не заметно, вход есть отдельный.

Иван Петрович Прянев откланялся вслед за кадровиком.

– Дочь завтра уезжает. Проводить бы надо, Вы уж извините, надо. Спасибо за угощение. Здоровья вам Геннадий Павлович, успехов. Ну, я пошёл.

У тещедушного Прянева сегодня с утра было неотвратимое желание напиться, да так, чтобы забыть всё, что произошло вчера дома.

Дело в том, что жена его, приехав домой после отпуска, вчера заявила, что уходит. Надоела ей эта деревня, где она всю свою молодость загубила, а потому, пока ещё не превратилась в дряхлую старуху, уезжает к маме в Москву. Вот так она оценила их восемнадцать супружеских лет, его непомерный каждодневный труд на благо семьи и для семьи. Он ежедневно упирается, всё тащит в дом, каждую копейку, всё для жены и единственной дочери. И на тебе, благодарность, вот тебе ответ. Уходит, видите ли. Снюхалась, стерва, с кем-то в санатории, вот и всё объяснение.

Иван Петрович, одевшись, быстрым шагом двинулся в сторону столовой.

Компания поскучилась. Пора, видимо, расходиться. Однако настроения покидать уютную комнатку Геннадий Павловича не было.

Выручил всех начальник отдела снабжения. Эдуард Матвеевич всегда остро чувствовал настроение людей, нюх был у него на это какой-то особый. Вот и сейчас с обворожительной улыбкой он говорил:

– Геннадий Павлович, ну что мы как не свои, сидим вот молча, думаем о разном. Мы что же, не люди, не можем за ваше здоровье граммов по пятьдесят коньячку выпить? Как-то не по-людски всё это. Серьёзные люди. Какой же тост за хорошего человека да с пустой рюмкой? Это что же, пьянство? Негоже так. А как вы думаете, уважаемый Николай Сергеевич?

Присутствующие с надеждой глянули в сторону обкомовского работника.

Значительно помолчав, тот встал.

– Что же, здесь очень серьёзные люди собрались. Я думаю, русских традиций не следует нарушать, не нами они выдуманы. По пятьдесят капель и я не прочь.

Не прошло и пяти минут, как стол был накрыт. Всё ж быстрый мужик этот Матвейч, всё у него готово, всё под рукой, молодец, настоящий мужик. Всё может, молодец!

Дела в компании пошли веселее. На столе лимончик, сервелат, курочка копчёная, баночка паштета, хлеб, яблочки. Когда он всё это принес? Секрет. Так может только Эдуард Матвеевич, наш Эдик.

Ну, за здоровье!

Вот и вторая бутылка на столе. Разговор пошёл душевнее, более открытый. Несмотря на осеннюю вечернюю прохладу, стало жарко.

– А знаете что? – это Геннадий Павлович, – может, пройдем в столовую, что же мы на пустой желудок коньяк пьем? Да и гостя покормить надо. Как, секретарь парткома, а? И нам горяченького не вредно поесть.

Коллеги суетливо и шумно засобирались. Прав директор. На пустой желудок как-то неудобно выпивать, да ещё коньяк. Надо идти.

А в это время в столовке, в отдельном зале, где обычно в доперестроечные времена проходили различные мероприятия с горячительным и где обедало в будни руководство, тоже не было скучно.

Как бы случайно встретившиеся военпред, кадровик и зам по науке уже допивали первую бутылку водки. Причём это не была просто пьянка: первым тостом сослуживцев было пожелание здоровья директору. Уважали его коллеги по работе, очень уважали.

Директор столовой Мария Ивановна, в просторечии Маша, принять гостей была готова всегда. У неё так же, как и у Эдуарда Матвеевича, нюх был что надо.

Маша как чувствовала, что придут клиенты, придут обязательно, и двух девчонок своих держала специально для обслуживания в этом зале.

Так и получилось. Сначала вон эти трое пришли, затем и сам директор с гостями появился.

Переступив порог, Геннадий Павлович удивлённо вскинул брови:

– Глазам не верю, вы же все по домам разбежались. Так дело было, секретарь?

Пётр Петрович рассмеялся.

– Разрази меня гром, если они не за ваше здоровье пьют. Ну, коллеги, как дела, как настроение?

В это время Маша и её девчата всю шелестели у стола. Запахло жареным. Поданы на стол мясо, рыба. Пахнуло копчёной рыбой. От Матвейча на стол коньяк и водка, да всё сверхкачественное. Слюнки потекли. О чём тут можно разговаривать?

Наливай!

Коллеги уgomонились, расселись.

Слово взял Бортников Николай Сергеевич. Не был бы он аппаратным работником, если бы не описал международное положение, внутривнутриполитическую ситуацию, связав всё с перестройкой и новым политическим мышлением. Завершил он своё выступление на пафосной ноте.

– За наше процветание, за наше великое государство!

Ну, как за это не выпить? Грех просто.

Не прошло и пары минут, как слово взял секретарь парткома. Директор, тронув его за рукав, слегка дёрнул.

– Ты, Петрович, поскромней да покороче. Знаю вас, сейчас тоже запоешь за перестройку.

Тост Петра Петровича был на удивление задушевен и короток.

– За нашего боевого друга, за Геннадия Павловича! С днём рождения вас! Ура!

Застолье продолжалось. Коллеги расслабились, куда девалась усталость – настроение прекрасное, расслабленность полная.

Слегка опьянев, заместитель по науке облобызал директора:

– Геннадий Павлович, да я тебя никогда не подведу, всегда можешь на меня положиться.

– За нашего директора! За его здоровье!

Пошли перекуры. В коридор посмолить вышли военпред и секретарь парткома.

Зам по науке, обняв кадровика, со словами «Ты меня уважаешь?» полез целоваться.

– Да отстань ты, не девка я тебе, – обиделся Кузьма Ильич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.